

Я пришла,
откройте дверь

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Юлия Климова

Я пришла, откройте дверь

«Юлия Климова»

2022

Климова Ю. В.

Я пришла, откройте дверь / Ю. В. Климова — «Юлия Климова»,
2022

Ее имя – Нина, но он будет называть ее Светлым Облаком. Кто она и откуда, почему тиха и не подпускает к себе близко? На эти вопросы ответить трудно, но он постарается узнать правду. Ее имя – Елена. И однажды ей придется идти босиком по снегу, чтобы спасти душу. И будет казаться, что впереди ничего хорошего нет, но где-то там, за полями и лесами, живет человек, способный изменить многое. И он не оставит ей выбора... Ее зовут Динка. Юная, вдохновенная, искренняя и нежная. И, конечно, ей нельзя было влюбляться в жениха своей сестры. Но падали звезды, и был шанс загадать особенное желание... Ее имя – Катя. И она должна начать новую жизнь. Но для этого придется прийти к врагу и согласиться на его предложение...

© Климова Ю. В., 2022

© Юлия Климова, 2022

Содержание

Пилигримы не спят	6
Запасные крылья	16
Яблоки	33
Тайный город счастья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юлия Климова
Я пришла, откройте дверь

© Юлия Климова, 2022

Пилигримы не спят

Уже больше недели она жила в одной из комнат его негостеприимного дома, но он никогда не видел ее лица. Светлое вытянутое облако приближалось, отдалялось, плыло и исчезало... Нет, не так. Опыт и обострившиеся за последние годы чувства подкидывали ему эти скучные картинки. Вот и вся правда. Андрей не удосуживался поворачивать голову в сторону новой помощницы – бессмысленное занятие в его непростой ситуации. Во-первых, он практически лишен зрения. А во-вторых, она проработает недолго, так какая разница...

«Не сомневаюсь, что у тебя русые волосы и в одежде ты предпочитаешь светлые тона... Откуда я знаю? Понятия не имею. Но твое биополе именно такое».

Андрей бы не думал о ней. Совсем бы не думал. Тем более, что девушка была бесшумна и ненавязчива. Но именно ее бесшумность непонятным образом напрягала все мышцы спины и рук и сначала бесконечно нервировала, а потом сглаживала душевный непокой. И однажды, когда в очередной раз на углу письменного стола появился поднос с яичницей и беконом, бутербродом с сыром и кофе, он все же оторвал взгляд от ноутбука и покосился вправо.

Завтрак. Андрей угадал, что именно она приготовила еще до того, как тарелки и чашка оказались рядом. По запахам. Мозг разделил их, разнес по столбцам, а затем соединил точно так, как и предполагала рецептура несложных утренних блюд. Все что Андрей мог увидеть – расплывчатые пятна посуды и плавные движения рук. Не сами руки. А именно движения.

– Как тебя зовут? – произнес Андрей, не поднимая головы.

– Нина.

Тихий ответ. Осторожный, будто она идет по хрупкому льду и нельзя ошибиться.

«Нужно было запомнить ее имя, сейчас бы не пришлось спрашивать».

Андрей сдержал порыв взять Нину за запястье и притянуть ее руку к лицу, так чтоб носом коснуться кожи. Тогда бы он увидел. Довольно хорошо бы увидел ее пальцы. Но не будет же он пугать девушку из-за простого сиюминутного любопытства, от которого через пару секунд не останется и следа. Хотя... она знала, к кому устраивалась на работу, так вряд ли испугается. Но все же будет трудно ей объяснить, что ему удобнее знакомиться с людьми подобным образом.

– Хорошо, спасибо, – торопливо поблагодарил за завтрак Андрей и тоном дал понять, что вопросов больше не имеется.

Он обернулся, когда Нина уже достигла двери, и отметил, что не ошибся: и волосы и одежда у девушки – светлые.

«И это усердное облако явно ниже меня ростом, – усмехнулся Андрей и, проигнорировав яичницу, взял чашку с кофе. – Многоуважаемая Нина, если ты не начнешь шуметь, я все же буду считать тебя привидением».

* * *

Тремя неделями ранее

Он с детства дразнил Марину занудой, и при этом никогда не считал ее такой. Андрей хорошо помнил, как сестра дулась и показательно злилась, получая от него порцию едких шуток. Но все же не сердилась. Привычная игра. Удивительно, как легко жизнь поменяла их ролями... После смерти родителей Андрей взялся заботиться о шестнадцатилетней сестре, а потом, после аварии, подорвавшей его здоровье, Марина окружила вниманием и заботой Андрея и терпеливо боролась с его недугами. И это при том, что у нее есть муж и двое детей: Петька и Колька, названные в честь дедов. Те еще сорванцы.

Остались позади ссадины и ушибы, и правая рука не подвела, хотя перелом – мало радости. Через полгода ушла хромота и был позабыт костыль с удобной опорой под локоть. Но зрение безнадежно падало день за днем, пока не остановилось на определенной отметке, которую очень хотелось назвать: «Конец всему». Однако Марина не позволила ее так называть, тем более что врачи оставляли призрачный шанс на... Неизвестно на что. Слишком уж случай странный. Теперь Андрей наблюдал лишь мутные пятна, но если приближал предмет очень близко к глазам, то его зрение, наоборот, обострялось лучше прежнего, и он видел не только все трещинки и нюансы до миллиметров, но и что-то еще... Точно в его голове вдруг включался стереомикроскоп, способный щедро дарить различные характеристики микрообъектов. Удивительно... Вот только жаль, что целый мир притянуть к себе невозможно.

«Известный писатель фантаст Андрей Копылов 18 апреля попал в автокатастрофу... ДТП произошло на 45 километре трассы... доставлен в больницу... множественные переломы...» Сдержанный текст из новостей, в последствии раздутый желтой прессой: инсценировка ради пиара, месть брошенной любовницы, попытка самоубийства... Всякая чушь. А просто один придурок выскочил на встречу, и машина Андрея оказалась не в нужном месте, не в нужное время...

Авария произошла пять лет назад, но как же ярок тот день в памяти. Правда, ровно до той минуты, когда раздались удар и скрежет.

– Я не могу уехать в отпуск, понимаешь?

Марина расхаживала по комнате. И Андрей, развалившись в кресле, закрыл глаза, чтобы не видеть этого непрекращающегося движения.

– Отчего же? – он сдержал усмешку. Конечно, не секрет, какие доводы по пунктам будут озвучены сестрой.

– И почему ты расстался с Илоной именно сейчас... Подождал бы до сентября! Два года вместе прожили, вот еще бы месяц продержались, и я бы спокойно слетала в Турцию.

– Жизнь слепого писателя оказалась гораздо скучнее, чем предполагала Илона, – улыбнулся Андрей. Никакой боли от расставания не было, пожалуй, он даже испытывал некоторое облегчение.

– Да? – Марина фыркнула. – Я потом почитаю тебе ее интервью. Не пойму, кто из вас фантастику больше любит: ты или она? То ты Илонку чуть ли не поработал, то ревновал с утра до вечера, то просил придумывать сюжеты для романов... Она, видите ли, устала работать твоей музой! Представляю, сколько ей платят за это многоярусное вранье. Как ты вообще с ней жил? Как спал с ней?

Андрей открыл глаза. Марина перестала метаться и просто стояла напротив.

– Наверное, инстинкты одержали победу над разумом, – с иронией ответил он.

– Скорее всего!

– Отправляйся в отпуск и не беспокойся. С чем по твоему мнению я не справлюсь? Это смешно.

– Да ты сутками не ешь и не пьешь, когда пишешь свои километровые романы. Спишь по два часа и куришь столько, что пол напоминает землю Помпеи! Ты превращаешься в сумасшедшего пилигрима, странствующего по вымышленным мирам, давным-давно потерявшего координаты и ориентиры! Каждый раз, когда я вижу тебя в таком состоянии, я задаюсь вопросом: а вернешься ли ты вообще в нашу реальность? Или застрянешь в каком-нибудь проклятом несуществующем городе на веки вечные. Андрей, кто-то должен готовить еду и приносить ее в твой кабинет. И кто-то должен ставить твой мобильник на зарядку, потому что сам ты этого не делаешь, и я потом схожу с ума!

– Нет.

– Да.

– Зануда.

- Выживший из ума писатель.
- Ну, это аргумент... – Чуть помедлив, Андрей засмеялся.
- Еще какой!

Андрей вновь закрыл глаза и полетел в прошлое, мысленно задевая углы тех или иных событий. Успех к нему пришел в тридцать пять: встречи с читателями, восхищенные статьи и отзывы, автографы, многотысячные тиражи, две экранизации, портреты чуть ли не в полстены в каждом книжном... Он не просто владел словом, он превращал его в скальпель, разрезающий прошлое, настоящее и будущее. Никто бы не назвал сюжеты его фантастических романов банальными. Даже завистники не посмели бы. Андрей погружался в иные миры с головой, терял ощущение времени и выныривал лишь для того, чтобы подписать новый договор, одобрить обложку или провести короткий отпуск в каком-нибудь городе, где погода сдержанна, а маленькие ресторанчики дразнят прохожих ароматами кофе и свежей выпечки. На отдых он отправлялся или в одиночестве, или с Мариной и ее шумной семьей, или с той женщиной, которая в данный момент была желанна. У Андрея случались длительные отношения, но ничем серьезным они не заканчивались...

А потом, после трех лет ошеломительного успеха, – авария. И кто знает, может, иные миры и спасли его, не дали загнуться. Боль мешала спать, но пальцы помнили клавиатуру, и всегда был главный герой, выбирающийся из бездны на поверхность и надеющийся на спасение, но не имеющий при этом каких-либо гарантий... Андрей положил ногу на ногу и тяжело вздохнул. Ему уже почти сорок четыре. И, по сути, он один. Илона ушла.

«Теперь придется искать толкового секретаря. Ничего хорошего со зрением не будет, если продолжу водить носом по экрану ноутбука... Яркий свет ослепляет и потом болят глаза... Но Марине лучше не знать об этом».

Андрей познакомился с Илоной в литературном агентстве, куда его пригласили как почетного гостя. Он сразу уловил ее желание понравиться, искренний восторг и уже на третий день ощутил острую потребность приблизить Илону к себе, чтобы наконец-то разглядеть лицо.

«И в такие моменты ты хорошо видишь, да?» – с долей любопытства тогда спросила Илона, и Андрей, не раздумывая, впервые ее поцеловал.

Она мечтала стать женщиной известного писателя, а он соскучился по стабильным отношениям. Вроде все по-честному.

Илона перебралась в большущий дом Андрея через два месяца. Теперь раз в неделю на пороге появлялась бригада уборщиц, а на завтрак, обед и ужин приезжала готовая еда. «Дорогой, мои подруги интересуются, когда ты посвятишь мне книгу? Что им сказать?» У Андрея не было ответов на эти вопросы, и он лишь пожимал плечами. Подруг Илоны он не терпел, они всегда смотрели так, будто он лишился не зрения, а головы. Андрей чувствовал это.

Иногда Илона читала ему отрывки рукописей каких-то бездарей и просила помочь с изданием книг, иногда обещала журналам и сайтам первые главы его нового романа, иногда заводила разговор о публичности: «Ты должен мелькать везде, где только можно. Ты же знаменитость!» А иногда она делала все, чтобы Андрей ревновал. Но он не умел ревновать ту, которую не любит.

– Ладно, найди кого-нибудь тихого и незаметного, – сдался Андрей, лишь потому что хотел сделать приятное Марине. Он плохо переносил длительное присутствие чужаков в доме. Андрея нервировало то, что он не видит выражения лиц гостей, но в этом он никогда не признавался ни себе, ни другим.

* * *

На завтраки она приносила или яичницу, или омлет с разными добавками, или бутерброды с сыром. И лишь дописав пятую главу, Андрей отметил это однообразие и шумно вздох-

нул. Хотя не испытывал никакого недовольства по данному поводу. Батальные сцены требуют полного погружения и тут не до пережаренной глазуньи, посыпанной мелконарезанным укропом...

С одной стороны, Нина могла бы приготовить что-то еще, с другой – никакую молочную кашу он точно бы есть не стал. Собственно, благодаря этим, уже традиционным, блюдам, Андрей и понимал, что на дворе утро... Кто придумал ночь? И зачем спать и терять драгоценные минуты и часы?

Откинувшись на высокую спинку черного кожаного кресла, он временно расстался со своими героями и попытался вспомнить, когда заходила Нина?

Десять минут назад?

Пятнадцать?

«Не так уж и хорошо она готовит... Похоже, Марину обманули, всучив восторженные рекомендательные письма. Интересно, где она отыскала эту девушку?»

– Девушку... – произнес Андрей, пытаясь угадать, сколько лет Светлomu Облаку, скользящему по полу его дома.

«Двадцать два? Двадцать семь?.. Не понятно. Имя она произнесла слишком тихо, по голосу не разобрать».

Андрей понял, что мысли о Нине вырвали его из сюжета. Досадливо поморщившись, он встал из-за стола, заложил руки за спину и принялся расхаживать по кабинету. В три он позвонит племяннику Кольке и тот прочтает вслух, написанное вчера и сегодня.

«Отправлю файл чуть позже. Потом надо бы позвонить в издательство... А когда Нина обычно приходит за посудой? Марина права, я чокнутый пилигрим. – Андрей остановился и провел рукой по волосам, убирая их назад. Надо бы принять душ, почистить зубы и попросить еще кофе. – Почему-то некоторые моменты от меня ускользают... Слишком много шляюсь по чужим мирам, как сказала бы Марина. – Он улыбнулся. Сестра ворчит, но, конечно же, знает, каким спасением и удовольствием является для него писательство. Он бы не променял состояние пересечения реальности с вымыслом ни на что. А часто и нет пересечения – сплошной вымысел. – Интересно, в какой комнате живет Нина?»

Дверь открылась, и на этот раз облако оказалось бледно розовым. Оно медленно устремилось к столу, но потом замерло.

«Да, я стою и смотрю на тебя. Но не волнуйся, – Андрей мысленно усмехнулся, – я все равно ничего не вижу».

– Можно забрать посуду? – тихий робкий вопрос.

– Да.

– Вам не понравился завтрак?

– Не понравился. Ты умеешь готовить что-то еще? Подходящее... – Он осекся, понимая, что тон слишком резок, и к тому же огорчение Нины мгновенно задрожало в воздухе. Эта вибрация была хорошо ощутима.

«Что она приносит на обед? Курицу, картошку, свинину, гречку, салат...»

– Извините...

– Сырники изобразить сможешь?

– Да. – Кажется, в голосе прозвучала радость.

– Хорошо. Жду.

«Отличница она что ли по сырникам? – закатывая рукава рубашки, подумал Андрей. Усталость напрягла мышцы спины, сковала шею, и он тряхнул головой, пытаясь прогнать эти неудобства. – Поем и спать. Часа четыре отдыха мне все же нужны...»

И даже появилось желание прилечь на диван, но еще больше хотелось подобрать имена двум новым героям. Тем самым приблизить их и начать чувствовать.

Пальцы Андрея ныли, и он принялся сжимать и разжимать их. Такое случалось часто и вовсе не от переутомления. Просто пальцы привыкли стучать по клавиатуре и сейчас нетерпеливо требовали продолжения этой музыки. Музыка, понятной только им. И ему.

Андрей вернулся к столу и погрузился в глубокую задумчивость – в вязкую темноту, в которой жили обрывки фраз, обычные и странные имена, картинки корявых ландшафтов, протоптанные дороги или непроходимые участки мрачных лесов. Так он сидел долго, собирая пазлы следующей главы, впитывая разговоры и шум деревьев, тянущихся к небу на чужой планете...

– Ваши сырники, – донеслось откуда-то издалека, и Андрей повернул голову на стук тарелки о столешницу.

– Спасибо, – автоматически ответил он и коротко вздохнул, расставаясь с литературными миражами. Аромат ванили влетел в нос, и сердце непонятно от чего заныло.

«Сейчас Нина уйдет, и я поем. Не хочу, чтобы она ловила мою реакцию и пыталась угадать, нравится мне этот завтрак или нет...»

Когда дверь закрылась, Андрей побарабанил пальцами по столу, безошибочно угадал местоположение вилки и отправил первый кусок в рот.

С вишней.

Сырники с вишней и сметанным соусом.

Точно такие же он ел лишь однажды. Давным-давно. В маленьком домике с заброшенным садом на берегу Черного моря.

* * *

Окна были распахнуты, и Андрей почувствовал это сразу, как только переступил порог гостиной. И он угадал легкую рябь штор, вызванную еле уловимым ночным ветром. Розы цветут. В августе их аромат всегда стойкий и с легкостью проникает в комнаты.

«Выпить кофе?»

Когда в сюжете появлялись вопросы, Андрей начинал бродить по дому, проходя километры туда и обратно. Первый этаж, второй, опять первый и второй... Он будто заводил внутри организма неведомый механизм, который разгонялся и рождал новый взрыв столь необходимого литературного покоя. «Нельзя же так нервничать!» – часто восклицала Илона, наблюдая за этими странными хождениями. Но он не нервничал, он просто жил в меру своих возможностей. Если однажды ты проиграл битву писательскому таланту, то в твоей голове отныне и навсегда будут шелестеть страницы.

– Нина, ты же здесь? – произнес он ровно и резко повернул голову вправо.

– Да.

– Почему не спишь? На дворе ночь.

– Не знаю...

– Ты всегда разговариваешь так тихо?

– Нет.

Нина стояла около лестницы. И Андрей представил, как стремительно преодолевает расстояние в шесть-семь метров, берет девушку за плечи и приближает ее лицо к своему. Острая, почти болезненная, потребность сделать это, неожиданно сжала сердце и обдала жаром.

– Я могу разглядеть человека только с очень близкого расстояния. И я хочу знать, как ты выглядишь. Ты позволишь мне проявить такое любопытство?

Нина молчала, а Андрей пытался понять, что с ним происходит в последние дни?.. Несмотря на погружение в сюжет, он постоянно чувствовал присутствие рядом другого человека. Ее присутствие. И это при том, что сейчас женщины его не интересовали совершенно.

– Мне кажется... смотреть на меня не обязательно... – Нина явно развернулась, чтобы уйти, но замерла, точно желала получить разрешение на это. – Вам что-нибудь принести?

«Сырники с вишней», – мысленно усмехнулся Андрей и подошел к окну.

– Нет, иди спать.

– Спокойной ночи.

Он стоял долго и неподвижно, глядя в черноту сада, и лишь смутно улавливал свет фонаря. Память рисовала берег моря, хрустальные брызги соленой воды, смех, шелест листы, два стареньких шезлонга, две белые чашки на краю поцарапанного предыдущими жильцами пластикового стола и облупившийся забор, покосившийся под тяжестью дикого винограда. Пожалуй, если Андрей и был когда-то по-настоящему счастлив, то там... и тогда... С той женщиной, которая не могла задержаться в его жизни надолго, но каждый вечер, прижимаясь крепко, шептала: *«Завтра будет хороший день. Я верю в это»*.

– Спокойной ночи, – ответил Андрей, зная, что Нина все еще стоит около лестницы.

– Завтра будет хороший день, – дежурно, без тени эмоций, произнесла она и добавила чуть громче: – Я верю в это.

Он сорвался с места, налетел на стул, отшвырнул его, сжал плечи Нины, развернул ее к себе, наклонился, уткнулся носом в макушку и втянул в ноздри незнакомый цветочный запах. Наверное, запах шампуня. Сердце колотилось бешено, и Андрей медлил, прежде чем сделать именно то, чего в эту минуту желал больше всего. У нее светлые волосы... Это он знает давно... Но какие глаза? Губы?..

Как и положено слепому, Андрей сначала прошелся по лицу Нины пальцами, а затем коснулся ладонями ее щек, приподнял ее голову и приблизился так, что дыхание девушки коснулось его лица. И как жадный пес, нашедший в лесу непонятную добычу, – ежа или перепуганную насмерть мышь, Андрей принялся «читать» каждый миллиметр кожи, изгиб переносицы, дрожь ресниц, родинку над правой бровью... И он это делал целую вечность, до тех пор, пока портрет не стал четким и ясным.

– Но... это не можешь быть ты... – прохрипел Андрей и отшатнулся, точно увидел привидение. – Кто ты?

– Я... Нина...

Судорожно вздохнув, она бросилась вверх по лестнице. Топот ног сливался с ударами его сердца и практически оглушал. Два человека не могут быть настолько похожими просто так...

– Кто ты?! – крикнул он и вцепился в перила.

Топот оборвался. Скрипнула ступенька. А потом раздался дрожащий голос:

– Я... ваша дочь... Извините... – Облако качнулось, зарябило, а потом растворилось в темном пространстве второго этажа.

– Сколько тебе лет?! – Еще не до конца осознавая услышанное, Андрей интуитивно попытался отыскать хоть какую-то точку опоры в происходящем.

– Семнадцать... – долетело непойми откуда и эхом зазвучало в голове.

«Андрей, ты превращаешься в сумасшедшего пилигрима, странствующего по вымышленным мирам, давным-давно потерявшего координаты и ориентиры! Каждый раз, когда я вижу тебя в таком состоянии, я задаюсь вопросом: а вернешься ли ты вообще в нашу реальность?..» – отчего-то вспомнились слова Марины. Может, он уже потерял рассудок? И все это... мираж?

* * *

Андрей встретил ее случайно на берегу Черного моря. Непокойные волны искрились на солнце, пенились, утюжили песок и оставляли после себя осколки мелких ракушек. Воздух казался соленым и вкусным, хотелось дышать полной грудью и получать удовольствие от этого

продолжительного тет-а-тета с великой природой. Но дыхание Андрея сбилось, когда он увидел хрупкую девушку в тонком бежевом платье, украшенном кружевными воланами. Ветер растрепал ее длинные светлые волосы, брызги намочили подол, какая-то неведомая печаль сделала взгляд голубых глаз грустным...

– Сланцы унесло в море, – объяснила она, вздохнула и сморщила курносый нос. – Я отвернулась на секундочку, и их смыло волной. Так жалко... Я их только вчера купила.

Она сделала попытку убрать волосы от лица, и на пальце блеснуло тонкое обручальное кольцо. А уж потом Андрей заметил родинку над правой бровью.

Наташа. Белая чайка, выбравшая для полета нежности и любви море его жизни. Как хорошо было потом просыпаться вместе на скрипучей кровати, и чтоб лучи солнца непременно пробирались в комнату с раннего утра, и на завтрак – холодное молоко и мягкий белый хлеб или сырники. Тогда Андрей не был известным автором, но сюжеты уже мучили его, и он устремился на юг, чтобы погрузиться в писательскую работу. Снял весьма скромный домик, на большее попросту не хватило денег, и два дня просидел над прологом. Кто ж знал, что иногда музы выходят гулять на берег, и волны бессовестно уносят их новенькие сланцы...

Поступив в родном Питере в институт, Наташа почти сразу вышла замуж за своего преподавателя. Он был старше на семнадцать лет и усиленно занимался наукой. И эти два факта неожиданно оказались губительными для юной неокрепшей души. Наташе не разрешалось приводить друзей (они слишком шумные), в ее сторону летела едкая снисходительность (кто ты и кто я?), довольно быстро пришлось научиться перечеркивать свои желания, и к двадцати трем годам Наташа признала, что совершила ошибку... Она бы ушла. При других обстоятельствах. Но у мужа было больное сердце, а она не из тех, кто толкнет к гибели или бросит на переправе. Вот только нужен был глоток воздуха, чтоб спастись самой, чтоб еще продержаться. И Наташа придумала для себя поездку на море. Именно море дает самое настоящее ощущение свободы...

Андрей не знал, что бывает так хорошо и больно одновременно. И когда утром разламывал вилок сырник с вишней, приготовленный Наташей, он мысленно произносил: «Господи, спасибо... И помоги...» Одной минуты хватило чтобы понять – это мой человек. Тот самый. Единственный.

Три недели счастья, а потом – слова и планы, которые разбивались вдребезги, оставляя порезы на душе. Хрупкая Наташа превращалась то в скалу, то в чайку, и на все уговоры звучал один ответ: «Нет, я не могу...» И однажды утром она ушла навсегда. Андрей видел застывшие в ее глазах слезы, и губы были сжаты так, что побелели...

Он злился.

Метался.

Ненавидел.

Молился.

Любил.

И жалел Наташу.

И еще в тишине маленьких комнат просил прощение за то, что так поздно появился в ее жизни.

* * *

Андрей не смел подняться на второй этаж. Ему казалось, что он и есть настоящий пилигрим, скитающийся долгое время по разным мирам и однажды постучавшийся в дом, построенный неизвестно кем на границе прошлого и настоящего.

В гостиной горел свет. И там – наверху – горела одна лампа. Как мало для него сейчас. Мало несмотря на то, что давным-давно по этим комнатам его уверенно водят за руку память и обострившееся чутье. Андрею хотелось рычать, глядя на густую черноту второго этажа.

«Где она?.. Позову, но не откликнется... Нет, не откликнется...»

Нервно сжав зубы, он шагнул на первую ступеньку и двинулся вверх по лестнице. На широком лбу выступили капельки пота, и рубашка прилипла к спине. Андрей привык к слепоте, но сейчас отдал бы очень много, чтобы видеть выражение лица своей... дочери. Ему была важна любая ее реакция на все. Но он не увидит.

«Сомневаюсь ли я, что Нина моя дочь? Нет... тут не обошлось без Марины».

Горькая усмешка скользнула по губам, но потом Андрей понял, что больше не в силах медлить. Он рванул вверх и как лев, потерявший в ночной саванне своего детеныша, принялся впитывать темноту с ее шорохами и еле уловимыми вибрациями воздуха. От волнения он забыл про кресло и врезался в него, чертыхнулся и устремился дальше, торопливо выстраивая в голове план комнат и схему расстановки мебели.

Она там. Рядом с библиотекой.

– Нина... – позвал Андрей, не слишком-то надеясь на ответ. Она наверняка напугана собственным признанием и теперь не представляет, что делать. Да и как он сейчас выглядит? Давно нормально не спал и не брился. И чего от него может ждать Светлое Облако, залетевшее без приглашения? – Нина...

Дверь в эту комнату оказалась распахнутой, горел только ночник. Андрей болезненно прищурился и повернулся сначала вправо, а затем влево.

– Я здесь, – привычно тихо произнесла она. – Около шкафа.

– Пожалуйста, включи свет и подойди ко мне, – быстро произнес он и тут же добавил: – Нет, не надо... Пусть так...

Ему будет легче – да, но Нине – труднее. Она чувствует себя спокойнее, спрятавшись за ночные тени. Андрей сделал два шага к тусклому свету и остановился.

– Стул рядом с вами, – произнесла она.

– Он мне не нужен. – Теперь Андрей четко определил ее местонахождение, и стало спокойнее. – Не бойся. – Он улыбнулся. – Я не такой страшный, как может показаться.

– Вы не страшный.

– Расскажи все, – попросил Андрей, не желая задавать вопросы. Он хотел просто слушать тихий голос, в котором звучали знакомые интонации, наполняющие душу приятным непокоем. «У меня есть дочь?..» Этого невозможно было представить. Что стоят созданные им миры рядом вот с такой фантастикой...

– А с чего начать?

– Не важно.

Но все же у Андрея был обжигающий душу вопрос, вот только задать его не хватало сил. «Наташа жива? Она жива? Скажи!»

– Муж мамы умер, когда мне было два с половиной года. Я не помню его... То есть я называла его папой... Наверное... Но... Я не помню. – Нина шумно вздохнула, подбирая слова. Она вовсе не была готова к такому разговору, и Андрей угадывал ее смятение и дрожь. – Мама сказала, что у меня другой папа, когда я пошла в школу. И еще она сказала, что у меня очень хороший папа, но он далеко... Я знаю, что у нее не было вашего адреса и номера телефона. – Последнее предложение Нина произнесла торопливо, будто желала оправдать всех и сразу. И сердце Андрея дернулось от боли, потому что дети всегда готовы на всепрощение, и, слава богу, что сложное им кажется простым. – В шестнадцать лет я уговорила маму назвать ваше имя. Она не хотела... но у меня был день рождения... Наверное, поэтому она уступила. – Нина приблизилась к свету ночника и замерла. – Мама взяла с меня слово, что я никому об этом не расскажу и не стану искать встречи с вами...

– Почему?

– Потому что вы... знаменитый... – Голос Нины задрожал еще сильнее, и Андрей понял, что много раз она сожалела о том, что ее отец – известный писатель, а не юрист, водитель автобуса, программист или кто-то еще. – Но я нарушила слово.

«Наташа жива? Она жива? Скажи!»

– Как ты меня нашла?

– Я нашла не вас, а тетю Марину. Через соцсети...

«Тетя Марина! Да кто бы сомневался! Вернешься из Турции, и мы с тобой поговорим!»

– Давно?

– Полгода назад. Тетя Марина очень добрая. И вы не думайте... я не обманываю. – Андрею показалось, что Нина шагнула вперед с отчаянием и надеждой. – Мы делали генетический тест на родство... на отцовство... Кажется, это так называется.

– И что тетя Марина? – спросил Андрей, улавливая приятный укол ревности. «Хорошо, что Маринка не поменяла фамилию после брака. И хорошо, что она пишет о моих книгах в соцсетях».

– Она сказала: «Ты моя племянница и точка». Я приезжала в Москву несколько раз, и мне, конечно, очень хотелось познакомиться с вами, но я не могла... То есть... Я же маме слово давала. Конечно, я его нарушила... Но... Я запуталась... – Нина всхлипнула и сцепила руки перед собой. Андрей представил, как ее пальцы нервно сжались и наверняка побелели. – Первый раз я приезжала с классом на экскурсию почти на неделю, второй раз с бабушкой на дни открытых дверей в двух институтах... И мы встречались с тетей Мариной. Без бабушки, конечно... Я так мечтала поступить в университет!

– Поступила?

– Да. На бюджет. Филологический факультет. – И вот теперь голос звучал твердо. Будто Нина хотела добавить: «Я смогла. Понимаете? Я тоже многого добьюсь, и вы обязательно будете мною гордиться. Только подождите немного».

Проблемы со зрением давно обострили нервы и чувства, и Андрей знал, что безошибочно читает ее настроение и мысли. Как книгу читает. Книгу, написанную не им, а... Наташей.

– Какое сегодня число?

– Двадцать четвертое.

– Скоро учеба... Наверное, ты сказала дома, что уже можно переехать в общежитие?

– Да. Когда тетя Марина предложила пожить у вас, я так обрадовалась... Честное слово, я не собиралась ни в чем признаваться, я бы уехала и все. Мне просто хотелось... побыть рядом с вами... узнать вас...

– Ну, тетя Марина у нас молодец, – усмехнулся Андрей и покачал головой.

– Пожалуйста, не ругайте ее. Я не могла признаться вам... я маме слово давала... То есть... Я опять запуталась.

Помедлив несколько секунд, Андрей приблизился к Нине, вновь взял ее за плечи и на этот раз притянул к себе осторожно. Будто существовала большая вероятность, что юное создание действительно является облаком, способным ускользнуть сквозь пальцы или раствориться.

Андрей изучал черты ее лица внимательно. Невозможно забыть эти длинные ресницы, курносый нос, высокие скулы, родинку... И пару минут он был не здесь, в собственном доме за двадцать километров от Москвы, его отбросило в прошлое, туда, где искрится Черное море и старый забор мужественно держит на своих плечах дикий виноград...

Нина стояла неподвижно, давая возможность «прочитать» свое лицо. И, наверное, этот процесс затянулся. Но Андрей, получая удовольствие от сходства дочери с Наташей, мечтал найти во внешности Нины что-то свое... Хотя что-то!

– Ты такая же красивая, как и твоя мама, – произнес он, сжимая худенькие плечи крепче.

И она улыбнулась. И он мгновенно поймал ямочку на правой щеке. Его личную ямочку!

– Спасибо...

Отпустив Нину, Андрей вернулся к двери и попытался успокоиться. «Нужно взять себя в руки. Наверняка уже напугал ребенка...» Он сжал кулаки, а потом разжал пальцы, готовясь задать тот вопрос, который уже прожег душу насквозь.

– А твоя мама... Она...

– Мама в Питере. Мы живем на Большой Конюшенной. Может, знаете, где это?

– Да, знаю. – Андрей кивнул, прислонился спиной к дверному косяку, приподнял голову и закрыл глаза. Чернота стала гуще и глубже, она окутывала сознание и не давала возможности ни на что отвлечься. Андрей хорошо знал эту бархатную темноту. Она не имела ничего общего с отчаянием, болью, унынием или страхом. У нее было иное предназначение. Это был занавес. Как в театре. Именно эта темнота приходила всегда за несколько минут до того, как в голове рождался новый сюжет. Чья-то новая жизнь. Вот сейчас... Еще секунда... Темноту пробил золотой луч, и Андрей втянул в легкие воздух, пытаясь удержать мгновение. Удержать, разгадать и хорошенько запомнить. Затем он открыл глаза, повернул голову к Нине и с улыбкой произнес: – Пойдем на кухню, сегодня я приготовлю тебе завтрак.

Запасные крылья

*А к тебе приходит любовь?
Чтоб стрелки часов – в плаксивую грусть,
Чтоб не елось и не спалось,
Чтоб рифмы простуды до утра наизусть.
И немножко пахло жасмином, и немножко грозой,
И прохожий, летящий мимо,
Оборачивался и моририл нос:
«Так не бывает, вы лжете, играете, жуть!»
Но все же любовь,
И все же чуть-чуть —
Боязно, нестерпимо, свободно...
И больно в груди,
В пальцах рук и ног,
В шаге, в голосе, в сегодня и завтра —
На перекрестке сотни дорог,
От восхода и до заката...*

Книги не любят дождь, я это чувствую. И дело вовсе не в сырости. Чего бояться разрушительную влагу, когда ты стоишь на полке в тепле, и твои бока подпирают бархатные или глянцевые собраты? Но при каждом ливне две улицы нашего села, конечно же, пустеют, и дверь библиотеки перестает призывно хлопать. И уже не звучат вопросы: «А есть что-нибудь новенькое?» или «А можно я еще раз Драгунского возьму?» Возможно, я ненормальная, но мне всегда кажется, что книги ждут, когда их начнут читать. И чтобы им не было обидно, я иногда пролистываю те экземпляры, которые уже давно не пользовались спросом. Обычно это многотомная классика, не попадающая в список школьной литературы.

Не думала, что стану библиотекарем, однако ветер перемен всегда прилетает неожиданно и, не спрашивая разрешения, меняет те судьбы, которые ему видятся... скучными? Быть может. Хотя я никогда не страдала от тоски.

На побег из родного села решится далеко не каждая, а я вот собрала вещи и перебралась сюда – в Игнатьевку. Не так уж легко начать новую жизнь после развода в тридцать один год, но я справилась и сейчас ни о чем не жалею. Три месяца я прожила в городе у любимой тети, которая когда-то заменила мне родителей, за это время продала свой дом и купила такой же маленький, но уютный здесь. И с тех пор прошло два года...

«Слишком уж Ленка ровно спину держит, такое чувство, что гордыня ее обуяла», – любимое изречение нашей продавщицы Ольги Тимофеевны обо мне. А если о ком-либо сплетничают, значит, этот человек не пустое место. Он герой дня, месяца или года. Когда я об этом думаю, то еле сдерживаю смех и, направляясь в магазин, нарочно держу спину так, точно тело заковано в пуленепробиваемый корсет. Нет, я не стала в Игнатьевке своей, но сердца главных сплетниц уже не колотятся так часто, когда я появляюсь на горизонте. Мою прежнюю жизнь давным-давно перетерли в пыль, а новая – чиста и буднична.

Когда-то я полагала, что никто не узнает о моем прошлом (до малой родины теперь сто пятьдесят километров), но, похоже, правда и ложь в этом мире переносятся от дома к дому вместе с цветочной пылью. Хотя... достаточно какой-нибудь «любопытной Варваре» сделать один звонок, и ваша биография буквально засверкает на солнце. Особенно те ее части, которые хотелось бы скрыть.

Дождь усилился, и я пожалела, что так и не купила кофе. Сейчас он бы наполнил библиотеку ароматом, душу – теплом, и рука сама бы потянулась к Конан Дойлю. И день точно бы стал прекрасным.

Раньше я была учительницей начальных классов, и поэтому самые любимые посетители библиотеки – дети. И если учесть, что они приезжают еще из двух соседних сел, то работы хватает. В мои обязанности входит не только выдача и приемка книг, но и организация творческих занятий, проведение библионочей, презентации к памятным датам и праздникам, классные часы в школе, оформление стендов и выставок... И непогода, кстати, частенько помогает справиться с намеченными делами. Никто не отвлекает.

Дверь хлопнула, я обернулась и замерла, стараясь скрыть удивление. Но не так-то просто было удержать правую бровь, она предательски приподнялась и выдала чувства.

– Я принес книги. Хочу подарить библиотеке... Все равно на чердаке пылятся.

Только один человек на свете мог сделать это во время затяжного ливня – Семен Григорьевич Беляк по прозвищу Колдун. «Ты мимо него лучше не ходи, а то как зыркнет темными глазищами, так болезнь к тебе подлючая и пристанет. Он людей терпеть не может, а уж до чего злой и ядовитый... – рассказывала о Беляке Ольга Тимофеевна и, фыркнув, добавляла: – И принесла же к нам его нелегкая... Не было печали! Живет один и никто-то ему не нужен. Машка года три назад подступиться к нему пыталась. Дура, конечно. А он только шурился и отворачивался. Не такая принцесса ему нужна! А был бы нормальным мужиком, уже б пироги по утрам с капустой кушал, да ночами к теплому бабьему боку прижимался. И вообще... колдун он чертов, держись от него подальше! Колдун. Тьфу!»

– Добрый день, – быстро произнесла я, подошла к столу и автоматически принялась рассматривать посетителя.

– Добрый, – буркнул Беляк, неторопливо приблизился и опустил объемную сумку на пол.

И показалось, будто в этот момент дождь победил крышу, потолок и наполнил просторную комнату серебристыми струями и шумом. Потому что по длинной черной рыбацкой куртке Беляка наперегонки все еще бежали торопливые капли, и я машинально отследила их путь. Они падали на пол, образовывали крохотные лужицы, а те в свою очередь почти мгновенно превращались в серые пятна. Старый дощатый пол с давно стершейся краской хорошо умеет впитывать воду.

Семен Григорьевич откинул капюшон назад и остановил на мне тяжелый взгляд. Тот самый, который, если верить Ольге Тимофеевне, непременно должен был отправить меня в могилу.

Никогда.

Никогда ранее я не разговаривала с этим человеком.

И даже рядом с ним не стояла.

И этим вполне можно было объяснить мою заторможенность.

Хотя, с другой стороны, не каждый же день в гости приходят колдуны.

– Вы... принесли книги? – зачем-то уточнила я и покосилась на мокрую сумку. Очень хотелось добавить: «А вы уверены, что для этого подвига нужны именно такие погодные условия?» Но я сдержалась. Умирать категорически не хотелось. И, честно говоря, от этого взгляда в груди начал подрагивать тоненький нерв, и интуиция уже подсказывала, что быстро его не успокоить.

Если бы меня спросили, сколько лет Беляку, я бы расплывчато предположила: от пятидесяти до шестидесяти. Есть люди неопределенного возраста, застрявшие во времени, и это был именно такой случай. Седина уже давно окрасила виски Семена Григорьевича и запуталась в бороде, на лбу образовались четкие горизонтальные морщины и вокруг глаз они тоже присутствовали.

«К нему неловко обращаться по имени, странно по имени отчеству и невозможно по фамилии... Колдун – он и есть Колдун».

Однако я могла предположить, что Семену Григорьевичу все же нет пятидесяти лет. Очень близко – да. Но не пятьдесят. Он не сутулился, наоборот, возвышался около стола монолитной скалой, и нельзя было сказать, что этого высокого мрачного мужчину уж сильно потрепала жизнь. Нет.

И еще я угадывала у него некоторую внутреннюю силу. У людей и книг она бывает весьма значительной. Не у всех, конечно... И еще руки. А, впрочем, есть нюансы, которые невозможно объяснить.

– Да, – сухо ответил он, наклонился, с легкостью расстегнул молнию сумки и вынул большой плотный целлофановый пакет, а из него уже извлек книги. И на столе мгновенно выросли две приличные стопки.

– Спасибо, – коротко поблагодарила я, мысленно радуясь. Тургенев, Чехов, Пушкин, Толстой... Школьная программа и в довольно хорошем состоянии. Летом, когда к бабушкам и дедушкам на каникулы приезжают внуки, на эти книги значительно повышается спрос. И на всех не хватает.

Когда дело касается новых поступлений, библиотекари обычно превращаются в эгоистов. Как же захотелось, чтобы Колдун поскорее ушел и оставил меня наедине с этим богатством. Мне не терпелось узнать, сколько изданий с картинками я получила только что. То есть сказки Пушкина и Носов – да. А вот «Алые паруса», «Муму», «Сын полка» и другие – под вопросом.

– У меня еще осталось. Если нужно, принесу позже, – произнес Семен Григорьевич чуть недовольно, будто тяготился собственной добротой. На его лице безошибочно читалось: «Выбросил бы все к чертовой матери, но рука не поднимается». И показалось, будто в глазах Колдуна вспыхнул зелено-коричневый огонь... Вспыхнул и погас.

Теряя остатки уверенности, я вновь переключила внимание на книги. В библиотеке повисла тишина и теперь отчетливо слышалось настойчивое тиканье настенных часов. Секундная стрелка уверенно шла по кругу и, похоже, посмеивалась над моим дурацким смятением.

– Очень нужно, приносите, – слишком эмоционально произнесла я и тут же отругала себя за несдержанность. Конечно, ничего страшного в моей жадности не было, но есть моменты, когда лучше не демонстрировать слабости. Так спокойнее.

Задержав дыхание, я кончиками пальцев коснулась корешка «Мастера и Маргариты», и в памяти мгновенно вспыхнули истории, рассказанные ранее Ольгой Тимофеевной. «Ветеринар он, видите ли... Корова у Потаповны уж подыхала, а он пришел, зыркнул, руками по ней провел, и та встала как миленькая! Такое только от связи с темными силами случается... Говорят, у него на груди татуировки дьявольские... Дети на реке заметили. Ходит вечно смурной, весь мир ненавидит... И к женщинам охоты не имеет, что тоже характеристика! Больше трех лет здесь живет, точно затворник! Домой к себе никого не приглашает, небось, ни одной иконы в угол не повесил... А прошлым летом с Катькой не сторговался из-за Вулкана, так неделю ее потом наизнанку выворачивало и живот крутило. А кто ж такую хорошую собаку задарма отдаст? И все равно ж, зараза, купил позже, и новая цена его ни на секунду не остановила. А Катька, между прочим, прилично прибавила!...»

– Ладно. – Беляк развернулся и направился к двери.

Я кивнула, прощаясь, и зачем-то принялась считать его тяжелые шаги. Резиновые сапоги чуть поскрипывали, половицы отвечали им тем же.

И только когда дверь закрылась, я заметила, что теперь в библиотеке пахнет сигаретами, костром и сыростью.

– Ольга Тимофеевна сказала бы, что эти запахи тянутся прямо из преисподней, – усмехнувшись, тихо произнесла я.

Не сдерживая порыв (сельские колдуны все же являются некоторой достопримечательностью), я устремилась к окну и в мрачной темноте приближающегося вечера сразу уловила тающую фигуру. Смотреть в спину безопасно, особенно когда знаешь, что человек не обернется.

К книгам я вернулась только после того, как приготовила чай. Теперь, наоборот, я оттягивала момент знакомства с ними, потому что всегда приятно продлить удовольствие.

Ожидания оправдались – больше трети произведений оказались с иллюстрациями. Я рассмотрела некоторые из них с нетерпением и радостью, а затем выдвинула ящик стола и достала перепачканную чернилами коробку со штампами. О, как же я люблю принимать книги! И спасибо дождю за то, что никто не будет мешать...

Сначала я проштамповала детские книги, а потом придвинула поближе стопку поменьше с литературными творениями для более старшего возраста.

«Отлично! «Женщина в белом» и «Лунный камень» под одной обложкой. Уилки Коллинза у нас вообще нет. Кстати, состояние весьма хорошее, только царапина под названием, но это пустяки. – Я сделала глоток чая, убрала непослушную прядь за ухо, пролистала страницы и... замерла. – Что это?»

Между страницами лежал старенький, пожелтевший листок в клетку (почти выцветшую), сложенный пополам. Бахрома левой стороны говорила о том, что когда-то его решительно вырвали из тетради. Не знаю почему, но руки дрогнули, будто я предполагала, что сейчас узнаю тайну, которую, быть может, мне и не положено знать. Чернила проступали сквозь бумагу, демонстрируя наличие текста, но еще не предлагали его смысл...

Метнув опасливый взгляд на дверь (никто же не застанет меня на месте преступления?), я осторожно раскрыла лист и в первую очередь обратила внимание на почерк. Быстрый, размашистый, угловатый, мужской... Прилагательные заскакали в голове, и на мгновение в глазах потемнело. А потом я стала читать.

«Это будет еще одно неотправленное тебе письмо. Пятое или шестое. Не помню... Неотправленное – звучит громко. Письмо всего-то нужно бросить в почтовый ящик на твоей калитке. Казалось бы, ерунда...

Я видел тебя сегодня. Издалека. А зачем подходить близко, если ты никогда не поворачиваешь голову в мою сторону? Нет, это не упрек. Даже не думай так. Это горечь. Самая обыкновенная горечь...

Как ты красива. Сегодня и всегда. Как ты красива...»

Внизу стояла дата, сообщающая о том, что письмо написано почти шестьдесят лет назад.

Медленно опустив листок на стол, я просидела неподвижно пару минут, а потом вновь пробежалась взглядом по строчкам. Ничего особенного... Чего я только не находила в книгах! И фотографии, и вырезки из журналов на тему «Как приворожить мужчину без последствий» или «Как посолить скумбрию», и высушенные листья кленов, дубов и берез, и старые деньги, и перо волнистого попугая, и билеты на электричку, и аккуратно написанные молитвы...

– Ничего особенного, – прошептала я, уговаривая себя отложить письмо в сторону и продолжить довольно приятную работу. Но воображение уже рисовало хрупкую девушку на краю поля и высокого мужчину на пыльной дороге, убегающей от села к лесу. Или, где он увидел ее в тот день?

* * *

Утро я провела в школе, и поэтому настроение было отличное. Кажется, я уже давно с таким вдохновением не рассказывала детям про Ахматову, уж не знаю, что на меня нашло.

Погода налаживалась, тучи устремлялись к северу, прохлада осени влетала в легкие и наполняла организм бодростью. Чего еще желать?

«Пожалуй, час уединенной тишины мне бы не помешал».

И я свернула к магазину, надеясь, что Ольга Тимофеевна не станет сегодня ворчать и не обрушит на меня очередную порцию домыслов и сплетен. Я собиралась купить кофе, кекс с изюмом и устроить себе маленький обеденный пир в библиотеке.

Я бы соврала, если сказала, что произошедшее вчера не тронуло душу. Засыпала я с трудом, память постоянно поднимала на поверхность строки письма и не давала переключиться на что-то другое. Я всегда верила в настоящую любовь – искреннюю, светлую, добрую и необыкновенную, но сама не испытала этого чувства. Не повезло, наверное. И эти летящие строки неожиданно стали подтверждением того, что Великая Любовь существует. Конечно, можно напридумывать и плохое, и Ольга Тимофеевна, например, так бы и поступила. «Да писал он ей, чтоб в постель затащить. Все мужики одинаковые! Наплел кружева, сладкие слова стопочками уложил, посмеялся и бросил потом все письма разом в почтовый ящик. Чтоб, значит, дороги назад у нее не было. Чтоб не отвертелась!» Скорее всего, Ольга Тимофеевна отреагировала бы на мою находку именно так. Если, конечно, прочитала бы послание. Но я чувствовала совсем другое. Каждое слово сияло правдой и вызывало странный непокой. И было приятно, что я стала свидетелем (можно ли так сказать?) чьей-то столь трогательной любви. И я очень надеялась, что та любовь была ответной.

Не получалось уснуть еще из-за того, что я никак не могла решить: возвращать письмо Колдуну или нет. Если бы речь шла о любом другом жителе села, я бы вернула. Мало ли, может, это писал родственник или близкий человек... Но я не хотела приближаться к Семену Григорьевичу. Приблизиться – означало вновь испытать мучительную неловкость. И я была уверена, что он не поймет подобного поступка. Наверняка, письмо для него будет лишь ненужной бумажкой. Тяжелый и мрачный мир всегда проплывет мимо хрупкого и чуткого мира. Проплывет, даже не заметив. Так к чему эти метания?

Магазинчик у нас небольшой, и первое время я удивлялась, как в этих четырех стенах помещается так много товара. Стоит чего-то захотеть, и взгляд всегда волшебным образом находит желаемое на одной из полок. А уж где стоит кофе мне давно известно.

– Чего это к тебе Колдун вчера приходил? – вместо приветствия произнесла Ольга Тимофеевна и замерла, нетерпеливо ожидая ответа. Ее маленькие глазки просверлили во мне две дырки и прищурились. Но на губах играла масляная улыбка. Ольга Тимофеевна умеет заманивать жертву в сети. – Я герань поливать собралась, глядь в окно, а он в библиотеку идет. Да еще с сумкой!

– Семен Григорьевич книги принес, – без тени эмоций ответила я и пожала плечом, мол, дело обычное. Прихватив с полки банку быстрорастворимого кофе, я развернулась и встретила настороженный взгляд. – А кексы сегодня привозили?

– Поди ж ты! – всплеснула руками Ольга Тимофеевна. – Книги он принес! И чего это на него доброта такая несусветная напала? А ты проверила? Не вредные они? – Ее голос стал тише, а пышная грудь заколыхалась от негодования и волнения. – Ты странички-то пролистни, вдруг там знаки какие нарисованы или картинки есть пагубные и призывные... И где он литературу эту взял? Произведения какие?

– В основном классика и школьная программа, – сохраняя спокойствие, пропитанное равнодушием, ответила я и поставила на прилавок банку кофе. Я знала, что нельзя давать ни одного повода для дополнительного вопроса и собиралась уликнуть из магазина как можно скорее.

– Кексы в ящике на подоконнике, не разложила я их еще... А классика у него от постельцев, наверное, осталась. Столько годков дом сдавали! Летом-то желающих много. И надо же, бесплатно принес. А ты меня вот послушай... Чужак – он и есть чужак! Хорошего от него

не жди! Да и кто книги в дождь носит? Я вот сразу неладное почувствовала... Заколдованные они, выброси их лучше! – Ольга Тимофеевна перекрестилась и быстро застегнула пуговицы на вязанной кофте, точно так существовала большая вероятность того, что ничто дьявольское к ее душе не проберется.

– Я тоже чужак, – не сдержавшись произнесла я, вспоминая ту ночь, которая изменила мою жизнь раз и навсегда. Наверное, надо было смолчать, но справедливость вытащила из меня эти слова.

– Ты уже давно своя, – дернула полным плечом Ольга Тимофеевна и, пользуясь случаем, приторно добавила: – С мужем тебе, девонька, не повезло, но с кем не бывает. Однако, с другой стороны, надо быть покладистой и терпеливее, больно умная ты, а какому мужику это понравится?

– Нормальному, – ответила я и быстро положила деньги на прилавок. Без сдачи.

Покидая магазин и спускаясь по трем ступенькам, я догадывалась, какие эпитеты летят мне спину. Но это ничуть не задевало, совсем другое заставляло идти быстрее и нервно кутаться в шарф – холод. Колочий, внезапный и такой знакомый... Как той ночью.

Глупо выходить замуж из-за одиночества и возраста, но я совершила эту великую ошибку. Да, у кого-то Великая Любовь, а у кого-то Великие Ошибки...

Я мечтала о семье и детях и хотела состариться рядом с добрым и чутким человеком. И моего романтизма вполне хватало на то, чтобы представить, как немного позже вспыхнет от чувств сердце, как оно будет счастливо колотиться утром, днем, вечером и ночью. Любовь – это забота. И она непременно родится и окрепнет если...

«...если останешься жива», – мысленно усмехнулась я и дернула ручку двери библиотеки.

С Ильей мы начали сближаться весной. Мне исполнилось двадцать пять лет, пели птицы, цвели яблони и завуч – милейшая Антонина Петровна, постоянно нашептывала: «Да сколько ты еще в девках сидеть будешь...» И можно сказать, что я слегка влюбилась. Это такое ощущение, когда каждый день становится особенным и не понятно отчего. То ли от неожиданно купленного платья, то ли от не менее неожиданного: «Ленка, поехали в город, в кино ходим».

Я не погружалась в пучину восторгов, не краснела и не бледнела, но я мечтала, улыбалась и все чаще и чаще замирала перед зеркалом с уверенностью, что смогу сделать Илью счастливым. И когда мы поженились, я с головой окунулась в семейную жизнь, получая удовольствие от нового для меня мира. И я скучала, когда Илья задерживался на работе, и училась печь пироги, чтобы тесто непременно было пушистым и поднималось до неба... И читала исключительно любовные романы, сверяя свои чувства с чувствами главных героинь. А было что сравнивать, душа наполовину уже превратилась в розовое облако, но...

Через год мать Ильи традиционно зашла в гости. Проходя по комнате и проверяя наличие пыли на полках, она произнесла как бы между прочим:

– Я на внуков надеялась, но Илья от тебя детей не хочет. Прилипла ты к нему, вот он и женился. А мне что прикажете делать? Позор сплошной.

– Как это?..

– Хотя он правильно поступает. Чего плодиться, если другая в любой момент приглянуться может. С детьми-то из семьи легко не уйдешь, алименты платить надо, да еще всем объяснять, почему так вышло. А у нас государство какое? Никто ж на сторону отца не встанет, все сочувствие обычно достается матери. Что смотришь? – Она смерила меня едким взглядом с головы до ног. – Больно непростая ты, видно этим сына моего и зацепила. Но одно дело покорить гордычку, а другое – жить потом с ней под одной крышей.

Она ушла, прихватив половину пирога с капустой, а я села у окна и принялась ждать мужа. Нам было о чем поговорить.

Да, он не хотел торопиться с детьми...

Но... все в порядке и «не слушай мою мать».

Много ли надо для надежды?

Совсем чуть-чуть.

Наши отношения были то хорошими, то плохими, и я замечала, что со временем периоды радости заметно сокращаются, а ссоры растягиваются на недели и потом еще тащат за собой напряженную тишину. Через два года я уже не торопилась домой, предпочитая задерживаться в школе допоздна. И тесто для пирогов больше не поднималось на кухне, а разговоры о детях всегда заканчивались скандалом. И не знаю отчего (может включалась интуиция) я начала вздрагивать. Без особых причин. Хлопнула дверь, звякнула вилка, гроыхнули сапоги или мелькнула тень за окном...

В ту ночь я впервые озвучила то, что не давало покоя последние месяцы:

– Нам нужно расстаться, ничего хорошего уже не получится.

Я отлично помню выражение лица Ильи, ту ненависть, которая обрушилась на меня погребельно и мгновенно. Честно говоря, я не сразу поняла ледяную и в то же время обжигающую до костей реакцию мужа. Разве я не лишняя в этих стенах? Разве все не вздохнут с облегчением, если я соберу вещи и вернусь в свой маленький домик?

Но объяснение было простым, и оно пришло довольно быстро: я не имела права разводиться, такое право, как оказалось, было только у Ильи. Уязвленное самолюбие превратило его в озлобленного волка, клещающего клыками и желающего расправы над непокорной.

– Развестись со мной хочешь?.. – прошипел он и медленно поднялся со стула. – Чтоб потом на каждом углу рассказывать, как бросила меня и отправилась искать другого мужика?

Круглое лицо потемнело, желваки задергались от злости, кулаки сжались. Пожалуй, таким Илью я не видела никогда. Я бы могла сказать, что из волка он трансформировался в ураган, который собирался согнуть и сломать все ветки в радиусе десяти километров, но это слишком поэтичное сравнение для такого ничтожного человека...

– Мне никто не нужен.

– Ты будешь жить со мной до тех пор, пока я этого хочу! – Отшвырнув стул, Илья рванул в мою сторону и замер перед столом. На мне была ночная рубашка, но, несмотря на это, я неожиданно почувствовала себя голой. И будто меня разглядывает незнакомый мужчина... – От тебя никакого толка! Тощая, как селедка... И мнение, видите ли, у нее на все имеется! – Илья гневно сверкнул глазами и прищурился, будто размышлял, что со мной сделать: превратить в пепел или просто растоптать. Его щеки пылали от злобы, губы презрительно кривились. – Да что я себе нормальную бабу не найду?..

– Вот и отпусти меня, – произнесла я старательно ровно, понимая, что достаточно одного неверного слова и... Нет, я не представляла, чего ожидать.

– Говорила мне мать, не смотреть в твою сторону, так не послушался! Отпустить? Не-е-ет... – протянул Илья. – Я свое никому отдавать не собираюсь! Обломать тебя надо было с самого начала, чтоб смотреть так не смела!

«Любить меня надо было с самого начала... Вот что нужно было делать!» – пронеслась в голове упрямая мысль, и я внутренне напряглась, стараясь не сорваться на крик.

– Если во мне нет ничего хорошего, то и давай...

Договорить не получилось. В долю секунды Илья оказался рядом и схватил меня за плечо так, что ночнушка съехала и завязанные бантиком ленточки врезались в горло. Если ваш муж демон, то лучше одеваться иначе. Хотя бы тогда, когда собираетесь с ним расстаться.

Беспомощность – это больно.

– Заткнись! – рявкнул он, окатил меня продолжительным матом и поволок в сени. Тапочки соскочили с ног, локоть ударился об угол шкафа, заколка упала на пол, и волосы рассыпались по плечам.

– Пусти меня, пусти! – Я сделала попытку вырваться, но не получилось. Хватка стала железной, и шансов на спасение не осталось.

Позже я долго думала, пытаюсь понять, за что же муж меня так ненавидел? Я точно не совершала ничего плохого и искренне старалась быть примерной женой. И ответ нашелся лишь один: Илья не мог мне простить внутренней силы и образования. Я бесконечно раздражала его, как ветер раздражает гибкая былинка на поле.

Принимать реальность такой, какая она есть, или подниматься выше Илья не собирался, а значит оставался лишь один выход – нужно было толкнуть меня вниз... И посильнее.

Он вышвырнул меня из дома с ненавистью, будто я была ведьмой, заслуживающей смертельный костер. Больно ударившись бедром об лед, припорошенный снегом, я зажмурилась и чудом сдержала слезы.

Поздний январский вечер.

Тишина.

Хочу ли я, чтобы о происходящем узнало все село?..

Да как жить здесь после этого?

– Не забудь постучаться, когда мозги и задницу отморозишь! – с усмешкой бросил Илья, явно чувствуя себя победителем.

А потом дверь захлопнулась.

И я знала, что одного стука будет недостаточно. Мне придется умолять. Он хочет именно этого. Моего унижения. Слез. Отчаяния.

И вот тогда ко мне пришел холод, тот самый – циничный, жестокий, ужасный. Стоило подняться и выпрямиться, как пальцы ног проткнули невидимые иголки, шею будто сжали ледяные тиски, тонкая ткань ночной рубашки превратилась в жесткую и шершавую кору старого дерева, по спине медленно пополз страх...

Мне негде было спрятаться. Ключи от бани всегда висели на гвозде в сенях, и даже если разбить маленькое окошко, я в него попросту не пролезу. В него и ведро-то не влезет, не то что я.

Есть еще сарай, но он не сможет спасти от зимы.

Я могла постучаться к соседке слева – Зое Васильевне. Но она лучшая подруга моей свекрови...

Я могла метнуться к соседу справа – Кузьмичу. Но он всегда рыбачит с моим мужем...

А напротив живет очень хорошая семья с двумя дочками. Старшая – Маришка, моя ученица...

Это только кажется, что ночью в селе все спят. Нет. В окнах подрагивает тусклый свет, и стоит сделать десять шагов по дороге, как завтра все будут знать о том, что Илья вышвырнул меня на мороз лишь в ночной рубашке. Как мне потом пойти в школу? Как перешагнуть порог класса? Как встретить взгляды коллег и учеников?

Муж знал, что делает. Он был уверен на сто процентов, что получит долгие извинения и продолжительную покорность. Но если ваша душа сплетена из ивовых веток, не ломающихся под натиском ветра, то вы не устремитесь к ступенькам, опустив голову. Вы тихо скажете себе: «Я не сдамся...», и примете очень трудное решение.

Мне хотелось утонуть в жалости к себе. Бесконечно хотелось! Вон же горит свет в окне и там тепло! Но... я должна была совершить то, что раз и навсегда перечеркнет прошлую жизнь и позже не позволит проявить слабость. Я должна была лишиться себя возможности остаться с этим человеком...

Мой родной дом находился на другом краю села. И спасение было именно там.

Развернувшись к калитке, осторожно наступая босыми ногами на лед и снег, я двинулась к дороге, позволяя холоду пробраться к костям и сердцу. Я шла вперед, как очнувшееся от долгой спячки привидение, как человек, которому уже нечего терять. И я чувствовала на себе

взгляды из окон. Что ж, смотрите, я иду открыто как раз для того, чтобы все узнали о моем позоре, чтобы у меня не осталось выбора.

Ключ на гвоздике под наличником... только руку немного просунуть нужно... но пальцы не слушаются...

– Я дошла, все будет хорошо, – прошептала я, дрожа всем телом. И в груди уже билась надежда, а что может быть сильнее ее?

* * *

Кексы с изюмом имеют удивительную способность успокаивать. Будто в тесто вместе с мукой всегда кладут частичку солнечного дня, тишину ухоженного сада и легкий убаюкивающий шелест деревьев. Хотя, быть может, на меня так благотворно влияет тонкий аромат ванили, который обязан присутствовать в сладкой выпечке.

Отрезав кусочек, я поднесла его к носу и улыбнулась. Да, ваниль – это сказка.

Приготовив кофе и сделав пару глотков, я посмотрела на стеллажи, размышляя, какое произведения почитать бы сейчас? Но дверь хлопнула, и я обернулась...

Конечно, Семен Григорьевич Беляк обещал принести книги, однако я не особо надеялась, что он это сделает. И когда наши взгляды встретились, я медленно опустила чашку, поднялась со стула и замерла.

– Приятного аппетита, – дежурно произнес он и приблизился к столу.

– Спасибо.

Колдун был одет точно так же, как и в прошлый раз, только рыбацкая куртка была растягивалась, и дождевые капли не стекали по ней на пол. Отчего-то я вспомнила слова Ольги Тимофеевны о том, что на груди Семена Григорьевича присутствуют дьявольские татуировки, и на пару секунд мне даже стало интересно, что там изображено. Но, конечно, задать такой вопрос Беляку я не могла. Во-первых, это не совсем прилично, во-вторых, мне бы не хватило наглости и смелости, а в-третьих, он бы точно превратил меня в пятнистую лягушку.

Тяжелая сумка вновь опустилась на пол, и на столе довольно быстро появились книги. На этот раз это были толстые и тонкие энциклопедии, произведения о животных и пять томов Джека Лондона в красивой ярко синей обложке с золотыми буквами.

– Энциклопедии же вам тоже нужны? – резко спросил Семен Григорьевич и испытующе посмотрел на меня, будто желал убедиться, что на этот вопрос я отвечу честно.

– Да, – кивнула я. – Нам вообще-то все нужно.

Истинная правда без каких-либо сомнений.

– Хорошо.

Наверное, это был подходящий момент, чтобы вернуть письмо, но мои душевные метания никуда не делись, да и добавлять общению все той же неловкости не хотелось.

– Большое спасибо. Много же у вас накопилось книг... – произнесла я, не зная, чем заполнить паузу.

Семен Григорьевич стоял близко, и я заметила сетку мелких морщин под его зелено-коричневыми глазами и увидела, как бьется маленькая жилка чуть выше растянутого ворота старой тельняшки. Неожиданно пронеслась дурацкая мысль: «А не должна ли я предложить ему кофе и кекс?», а потом я услышала уханье собственного сердца. Почему я нервничаю? Не верю же я в то, что передо мной стоит злой колдун, способный стереть Игнатьевку с лица земли?

– От постояльцев остались, – буркнул Семен Григорьевич, подтверждая предположение Ольги Тимофеевны, развернулся и широким шагом направился к двери.

Показалось, будто задрожали стекла в стареньких окнах, и мигнула лампочка. И я зачем-то закрыла глаза, точно желала впитать вибрацию библиотеки и разгадать ее...

Когда я открыла глаза, я увидела, что Семен Григорьевич остановился и смотрит на меня. Выражение его лица было спокойным, без тени недовольства или напряжения.

– До свидания, – еле слышно произнес он и вышел из библиотеки.

Два куска кекса были съедены довольно быстро, и я почти сразу приготовила еще кофе. Мысленно разговаривая с замечательной учительницей по биологии, я вынула из ящика стола коробку со штампами.

«Наташа, у нас теперь есть новая литература о флоре и фауне, хочешь бери книгу про исчезающие виды растений, а хочешь про медведей возьми... И я уверена, что в твоей коллекции нет ничего про летучих мышей...»

С одной стороны, я скучала по школе и желала вернуться к профессии, с другой – я уже полюбила библиотеку. Да и пока все места учителей начальных классов были заняты. Судьба будто давала время решить, где мое место.

Я бы соврала, если сказала, что не надеялась отыскать в этих книгах продолжение той истории. Душа требовала еще одного прикосновения к искренней любви, и важно было узнать: решился ли тот мужчина признаться в своих чувствах и получил ли он ответ? Вероятность обнаружить еще одно письмо стремилась к нулю, но после штамповки я планировала пролистать каждую книгу.

Листок...

Пожелтевший листок с почти выпцветшей клеткой...

С бахромой по краю...

Вот же он.

– Не может быть...

Я бы жадно схватила его и принялась читать, но теперь мне было известно, сколько лет этим посланиям, и пальцы коснулись бумаги осторожно. Один уголок был загнут, и я покачала головой, осуждая тот день и час, когда это случилось. Будто листок мог испытать боль на линии сгиба.

«Я целыми днями думаю о тебе и постоянно повторяю те фразы, которые ты произнесла вчера. Наш разговор... Такой короткий. Но если бы ты знала, как много это значит для меня... Я всего лишь наточил топор и наколот для тебя дров. А ты поблагодарила и сказала, что сама бы не справилась.

Твои родители давно умерли, а одной тяжело...

Как же мне объяснить тебе, что ты не одна. Что я всегда рядом...»

Руки дрожали, и я положила письмо перед собой. Размашистая дата сообщала о том, что оно написано на неделю позже.

– Значит, они хотя бы поговорили... – прошептала я, счастливо вздохнула и улыбнулась. А потом набросилась на оставшиеся книги и быстро-быстро стала листать страницы, надеясь отыскать следующее письмо. – Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста... – тараторила я, раскрывая последний том Джека Лондона.

Но, увы, как и в тот раз, меня ожидало поражение. Издав досадливый стон, я откинулась на спинку стула и принялась нервно кусать нижнюю губу. Как же хотелось узнать, чем закончились эти непростые отношения! Но не могла же я отправиться к Колдуну и попросить, чтобы он разрешил осмотреть все оставшиеся книги.

«Представляю лицо Ольги Тимофеевны, если она узнает, что я ходила в гости к Семену Григорьевичу Беляку», – с иронией подумала я и бросила взгляд на часы. В школе уже закончились уроки, и скоро в библиотеке будет довольно шумно, потому что сегодня я пообещала малышне викторину с конфетными призами. А от таких призов никто никогда не отказывается.

– Как же мне объяснить тебе, что ты не одна. Что я всегда рядом... – произнесла я последнюю строчку, выдвинула ящик и с сожалением убрала письмо под папку, туда, где хранилось первое послание.

«Вечером перечитаю».

* * *

Прихватив пакет с остатками кекса, я выключила свет в библиотеке, закрыла на замок дверь и отправилась домой. В голове еще вспыхивали эпизоды викторины, звучал детский смех и подпрыгивали неверные и правильные ответы. Как же дети быются за право стать победителями! И как хочется их всех наградить за это.

«Кстати, запас конфет иссяк и завтра опять придется идти в магазин. А я-то надеялась, что не увижу Ольгу Тимофеевну хотя бы два дня...»

– Добрый вечер, Леночка. Не уработалась ты там? Время девятый час, – поприветствовала меня тетя Вера, и я свернула к ее скамейке.

– Добрый вечер. Не думала, что так задержусь, но стала подклеивать старые книги, а это дело всегда затягивает.

– Везет нашему селу на библиотекарей.

Похвала была приятной. Усевшись рядом, я устало вытянула ноги и расслабленно вздохнула.

Возраст тети Вера уже давно перевалил за восемьдесят, но она никому не разрешала называть себя по имени отчеству. «Да я тут родня всем, чего это ты удумала», – недовольно говорила она, когда пару лет назад я делала попытки обращаться официально. Мне бесконечно нравились доброта этой пожилой сухонькой женщины, ее теплый взгляд и желание поддержать любого в трудную минуту. Нелегко было прижиться на новом месте, и тетя Вера в свое время взяла надо мной шефство. Она приносила столько пирогов, варенья и солений, что и съесть-то было невозможно. «Кушай, кушай», – приговаривала она, оставляя в библиотеке очередную трехлитровую банку квашеной капусты.

– Хороший вечер, не холодно.

– Дождя бы не было, а то опять поясницу ломить начнет, – посмотрев на небо, ответила тетя Вера и поправила узел пушистого платка. Она хорошо вязала, и сейчас рядом стояла небольшая корзинка с пряжей и спицами. Темнота для рукоделия не помеха, если руки помнят узоры. – А ты чего такая довольная? Глаза аж горят!

– Не знаю... Просто так. – И вдруг я поняла, что могу получить ответы хотя бы на некоторые вопросы. Они кружили в душе и не успокаивались. Многие не интересовало меня раньше, но теперь... – А Семен Григорьевич Беяк сколько лет живет в селе? Он книги в библиотеку приносит, говорит, не нужны ему... И как-то интересно стало узнать, кто он и откуда родом.

– Отсюда он, откуда ж ему еще быть, – махнула рукой тетя Вера. – Долго здесь не жил – это правда. А потом вернулся. Знаю я, что про него Тимофеевна болтает... Это с ее злого языка Семена Колдуном прозвали. И что за баба вредная!

– Мне кажется, характер у него непростой, может, еще из-за этого.

– А ты себя вспомни, когда приехала. Часто ли ты гостей к себе звала? Точно птица в клетке сидела, тебе дверцу-то отвори, а все равно не вылетишь. Пирогам, да огурцами солеными приманивать приходилось.

Мы обменялись взглядами и засмеялись. Есть люди, рядом с которыми удивительно спокойно, и тетя Вера, бесспорно, именно такой человек.

Свет фонаря освещал нас, и хорошо была видна суетливая мошकारа, летающая бесцельно зигзагами. В отдалении залаяла собака, у Серегиных на веранде зажегся свет, и донесся требо-

вательный голос бабы Иры: «...и чтоб дома был в десять, хватит колбасой по селу носиться... уроки делать, кто будет?..»

Полюблю ли я когда-нибудь Игнатьевку?

Наверное, я ее уже полюбила.

– Ольга Тимофеевна говорит, что у Семена Григорьевича татуировки дьявольские на груди, – улыбнулась я, желая продолжить разговор.

– Дура она, вот и мелет чушь всякую, – твердо ответила тетя Вера и недовольно фыркнула. – Образование у него химическое. И еще он этот... как его... который про людей и природу все знает...

– Биолог?

– Да! Вот у него там и нарисованы штуки всякие. Схемы вроде. Кружочки и палочки.

– Строение молекул?

– Ты мне такие сложные вопросы не задавай. Семен прошлым летом крышу у меня перекладывал, так я и увидела татуировки. Когда он из-за жары рубашку снял. Вон у Дмитрича русалки по всему телу, и ничего! Что-то Тимофеевна от него нос не воротит! Нелюдимый Семен – согласна, но жизнь в какие только углы человека не загоняет. Мать его, кстати, библиотекаршей была. Как ты.

– Что?

Почему-то это известие удивило очень сильно. Будто я услышала нечто настолько невероятное, что можно подскочить от изумления. Конечно, я не первый библиотекарь в селе, до меня работала молодая женщина с редким для наших краев именем Злата. Она уехала к подруге. Кажется в Саратов, где ей пообещали работу и комнату.

– Давно это было. – Тетя Вера устроилась поудобнее и прищурилась, точно пыталась хорошенько разглядеть прошлое и старалась не упустить мелкие подробности. – Мать Семена рано сиротой осталась, воспитывал ее дед, да и тот недолго пожил. Имя ей очень подходило – Мариша. Худенькая... Тростиночка. А такой по хозяйству всегда тяжело одной крутиться. Но характер хороший, упрямый. Уж сколько к ней сватались, а только не смотрела она ни на кого, любви настоящей ждала. – Тетя Вера повернула голову в мою сторону и с нажимом добавила: – Есть любовь на свете. Есть. Ты даже не сомневайся.

– А я и не сомневаюсь...

– Григорий лет на пятнадцать старше Мариши был, учительствовал в нашей школе. Умный мужик, работающий и добрый. Помню, как он на нее смотрел. От такого взгляда любая ледяная гора бы растаяла. А подступиться не смел. Тут тебе и разница в возрасте, и хромота его заметная.

– А отчего хромота?

– Родился такой. – Тетя Вера пожала плечами, мол, на все воля Божья, и продолжила неторопливо рассказывать: – А потом случился пожар. Жилье у Мариши совсем плохонькое было. Уж не знаю, какая искра делов таких наделала, но полыхало страшно, со всех сторон села видать было. В ту кошмарную ночь Григорий Маришу из огня вытащил, так судьба и связала их накрепко на всю оставшуюся жизнь. Уж как он ее любил... Уж как она его любила... Вот только детей им Господь долго не посылал. Лет семь, наверное... А, может, и больше. А потом Семен родился. И такой умный парнишка получился! Из библиотеки не вылезал и матери во всем помогал. Учиться ему нужно было, и не здесь, а чтоб науки разные постигать. Вот Мариша с Григорием и подались в город, когда сыну пятнадцать исполнилось. – Сцепив руки на коленях, тетя Вера немного помолчала. По ее морщинистому лицу пробежали тени прошлого, губы дрогнули. – Институт Семен закончил и дальше еще учился. Химию эту непонятную, значит, постигал. И преподавал, знаю, где-то. Но жизнь не всегда в гору идет... Года четыре назад Семен родителей схоронил, друг за другом ушли. Горе горькое. А жена почти сразу быстренько вещи собрала и усакала не то к его другу, не то к приятелю. – Тетя Вера шумно вздохнула

и притянула к себе корзинку с вязанием. – Сестра ее одно время с моей невесткой работала, так до Игнатьевки эта история и добралась. Детей у Семена нет. Теперь уж никого нет, один остался.

Непонятное волнение сначала задрожало в груди, а затем устремилось выше к горлу. Я облизала пересохшие губы, пытаясь разобраться, что со мной происходит, но ответа не было. Ощущение, будто что-то важное ускользает, заставило мысленно повторить некоторые фразы по два-три раза. *«Мать его, кстати, библиотекаришей была»*, – слова подпрыгнули, и сердце дернулось.

– А сколько лет Семену Григорьевичу? – спросила я, пытаясь подобраться к его жизни еще ближе.

– Дай посчитаю... – И тетя Вера принялась шептать даты и имена, стараясь максимально правильно ответить на вопрос. – Сорок восемь... Сорок девять... – протяжно произнесла она и кивнула, соглашаясь с неведомыми мне арифметическими действиями. – Вот Семен и вернулся в родное село. У человека должны быть запасные крылья, которые поднимут его в самый тяжелый момент. Поднимут и понесут дальше. У кого-то они лежат до поры до времени в надежном месте, а кому-то их еще отыскать нужно.

«Мать его, кстати, библиотекаришей была...»

В груди кольнуло, и я вцепилась в скамейку, сильно сжимая пальцами шершавый край доски. Нет ничего странного в том, что в современных книгах лежали старые письма. Иногда их так попросту прячут и забывают родственники того, кто их написал. Иногда используют вместо закладок. Иногда хотят разглядеть помятые временем откровения. Да мало ли, у кого какие причины для этого. Но странно то, что я сразу обнаружила письма. Тонкие... очень тонкие листы... в толстых книгах... И только сейчас я поняла, почему это произошло...

Семнадцатая страница.

Семнадцатая!

Я находила их тогда, когда отмечала книгу библиотечным штампом, а его многими десятилетиями по всей стране ставят обязательно на семнадцатую страницу! Кто-то может не обратить на это внимание, но сын библиотекаря наверняка с детства знает о нерушимом правиле...

Семен Григорьевич Беляк специально клал письма в книги так, чтобы я их обнаружила. Он клал их между шестнадцатой и семнадцатой страницами...

Зачем?

«У человека должны быть запасные крылья, которые поднимут его в самый тяжелый момент. Поднимут и понесут дальше. У кого-то они лежат до поры до времени в надежном месте, а кому-то их еще отыскать нужно...»

– Большое спасибо за разговор, тетя Вера, – искренне поблагодарила я и поднялась со скамейки.

К дому я шла на ватных ногах, пытаясь объяснить необъяснимое. И в висках стучался лишь один вопрос: «Принесет ли еще Колдун книги в библиотеку?»

* * *

– И зачем-ты деньги тратишь на этих оболтусов? Думаешь, они вырастут и хоть одно доброе слово тебе скажут? Не дожدهшься! – едко выпалила Ольга Тимофеевна и нарочно подчеркнуто шмякнула на прилавок пакет с ирисками и пакет с шоколадными батончиками.

– Конфеты вкусные, – невпопад ответила я и достала из сумки кошелек. Мысли были заняты другим, и я уж точно не собиралась вступать в длительную беседу с Ольгой Тимофеевной. С вечера я испытывала некоторую растерянность и торопилась оказаться в библиотеке, где меня ждали письма. А они именно ждали, я должна была их перечитать как можно скорее.

– Возьми хоть карамельки, они дешевле.

– Дети больше любят ириски и батончики.

Сейчас я была железобетонной, и, похоже, Ольга Тимофеевна поняла это и сменила тему.

– А мне разведка донесла, что Колдун опять к тебе приходил, – произнесла она торопливо и засмеялась от собственной шутки. Щеки зарумянились, шея покраснела, маленькие глазки заблестели, и сразу стало ясно, что Ольга Тимофеевна гордится своей осведомленностью. – Ты все же внимательно проверь, какие он книжки носит. Может, там слова между строчек дописаны... заклинания... Нельзя ничего хорошего от Колдуна ждать. Водит он дружбу с нечистью, я в этом уверена. Калитка, что со стороны дороги, всегда у него прикрыта, и Вулкан там сидит. А маленькая калитка, что со стороны леса, нараспашку... Это как? Я раз пять в августе по грибы ходила и видела! Ждет он всегда кого-то из леса... Ждет! Ой, страх, страх... – И Ольга Тимофеевна принялась креститься.

Меня вовсе не испугали ее слова, но нервы натянулись, и из магазина я вышла стремительно. Сейчас мои мысли были заняты Семеном Григорьевичем, и этот короткий разговор заставил идти быстрее. Я была уверена, что письма принадлежат его отцу, но теперь как-то так получалось, что адресованы они были мне... Ситуация казалась настолько странной, что требовала хотя бы еще одного доказательства. И если бы Семен Григорьевич опять принес книги, и на семнадцатой странице я вновь обнаружила бы послание, то...

– ...то я бы сошла с ума, – прошептала я и свернула к библиотеке.

Позабыв про традиционную кружку кофе, я минут пятнадцать изучала письма. Слова теперь звучали иначе, они не просто пробирались в душу, они кружились там и звенели.

Мужчина пишет женщине.

В этом нет ничего сверхъестественного.

«Но почему я обязательно должна была это прочитать?..»

Усевшись около окна, я попыталась сосредоточиться и еще раз вспомнила разговор с тетей Верой. Теперь я знала, чем закончилась история этого мужчины и этой женщины. Как же я хотела, чтобы они были вместе, и это случилось... Да, жизнь штука сложная, и, к сожалению, люди уходят... Но я могла утешиться тем, что родители Семена Григорьевича испытали продолжительное счастье.

«Но почему я обязательно должна была это прочитать?..» – вновь просверлил мозг обжигающий вопрос.

«Я видел тебя сегодня. Издалека. А зачем подходить близко, если ты никогда не поворачиваешь голову в мою сторону?..»

«Как же мне объяснить тебе, что ты не одна. Что я всегда рядом...»

– Господи... – прошептала я и прижала ладонь к груди, пытаясь успокоить бешено бьющееся сердце. – Но этого не может быть...

* * *

Он пришел через неделю.

Дождь лил такой сильный, что казалось, будто кто-то соединил небо и землю серыми нитками. Лужи разливались во все стороны, и по ним прыгали мелкие и крупные пузыри. Уже темнело, но улица хорошо просматривалась. И когда я увидела в окно, как к библиотеке приближается Колдун, я рванула к столу и села так, точно пять минут назад меня зачислили в первый класс и объяснили, что спину нужно держать ровно, а руки должны лежать на парте.

«Что со мной?..»

Раскрыв журнал с расписанием мероприятий, я принялась изучать записи, но сконцентрировать внимание, конечно же, не получалось.

Сейчас я увижу его.

Услышу его голос.

Понимает ли он, что я знаю?..

А что я знаю?..

Будет ли лежать в одной из книг письмо? Или все предположения – глупость, а произошедшее – случайность?

Дверь скрипнула, я подняла голову, отложила журнал и вежливо поднялась со стула. С рыбацкой куртки Семена Григорьевича на потертый пол падали капли, и это на миг вернуло меня в тот день, когда я прочитала первое письмо. Взмах руки, и Колдун снял с головы капюшон. Кажется, его густая борода стала короче, или теперь я воспринимала этого человека несколько иначе... Нет, я и тогда не боялась, но все же образ был окутан наговорами, тайнами и мрачностью. Сейчас этого было гораздо меньше.

– Добрый вечер, – произнесла я на удивление ровно.

– Добрый, – ответил Семен Григорьевич и медленно подошел к столу. В его руках была все та же объемная сумка защитного цвета.

– На дворе дождь, а вы пришли...

– Завтра некогда будет, – без тени эмоций ответил он, и я отвела глаза, так как не смогла выдержать напряжения.

Что-то изменилось, и это чувствовалось сразу. Взгляд Семена Григорьевича стал более тяжелым и цепким. Похоже, он старался прочесть мою душу как книгу или хотя бы перевернуть первую страницу...

Я струсилась и пожелала, чтобы в библиотеку зашел кто-то еще, но две улицы в Игнатьевке безлюдны, когда с неба на землю опускается стена воды... И в то же время я чувствовала нетерпение и представляла, как останусь одна, подойду к книгам и начну открывать семнадцатые страницы...

Между бровями у Семена Григорьевича присутствовала складка, добавляющая его лицу суровости. И я задалась совершенно ненужными вопросами: давно ли она у него и от чего появилась? После смерти родителей? После ухода жены?

Он отвернулся и уже привычно выложил книги на стол. Сборники фантастики, Марк Твен, Шолохов, Чарская, Паустовский... А я подняла руку и коснулась своей переносицы. Я никогда не задумывалась, есть ли у меня там складка? Появилась ли она после той ледяной ночи?..

– Киплинг немного потрепанный. – Семен Григорьевич достал последнюю книгу и резко застегнул молнию сумки.

Этот короткий, но тягучий звук стежками прошелся по моему сердцу. Я стояла неподвижно, смотрела на профиль Колдуна и не сомневалась ни на секунду, что письмо я найду именно в Киплинге.

– Спасибо. Этих книг нам очень не хватало...

Теперь я хотела, чтобы Семен Григорьевич не уходил сразу, а сказал что-то еще. Я вовсе не была готова остаться наедине с правдой. Я не знала, что с ней делать...

Он отодвинул высокую стопку бессмертных произведений от края стола и заглянул мне в глаза.

«Как же мне объяснить тебе, что ты не одна. Что я всегда рядом...» – пронеслось в голове, и я внутренне сжалась, стараясь не выдавать волнения.

– Пусть дети читают, – ответил Семен Григорьевич, чуть помедлил и направился к двери. Когда шаги стихли, я взяла Киплинга и открыла семнадцатую страницу.

«И напугать тебя страшно, и промолчать. Никогда не думал, что смогу испытывать такие сильные чувства... В юности – да, но не теперь. И я постоянно боюсь, что тебя кто-нибудь обидит. Тебя нельзя обижать. Нельзя.»

Где бы я ни был, что бы я ни делал, мысленно я всегда шагаю к твоему дому или к библиотеке... Как мало и как много нужно человеку для счастья...»

Все тот же почерк и старая дата в правом нижнем углу пожелтевшего листка.

Пальцы дрожали, и пришлось отложить письмо в сторону и сжать их, чтобы успокоиться.

В детстве я верила, что по ночам книжные герои оживают и спускаются с полок на пол. Они оглядываются по сторонам, тихо разговаривают, обсуждают последние новости, делятся переживаниями и мечтают. И вот сейчас я чувствовала себя именно такой героиней – сошедшей со страниц и имеющей всего несколько часов на иную жизнь. А утром с первыми лучами солнца нужно непременно вернуться в свою книжку...

Или совершить побег.

* * *

Еще никогда я так долго не задерживалась в библиотеке. Стрелка на часах приближалась к десяти, а я все придумывала себе работу и придумывала. Я то разбирала журналы, то стирала пыль с верхних полок стеллажей, то вновь подклеивала старые издания, то подготавливала очередную презентацию. Дождь перестал шуметь уже давно, но влажный воздух наполнял библиотеку, и мне все чудился стук капель и взволнованный шелест листьев.

Такие письма всегда возвращают. Я отлично понимала, какую они имеют ценность для того, кто их принес.

И Семен Григорьевич знал, что я их верну. Собственно, он сделал все, чтобы скрестить наши дороги...

Натянув куртку и укутавшись в шарф, я вышла на улицу, миновала дом тети Веры и свернула на пожарный проезд. Сейчас моя худая фигура растворится в темноте, и никто не задастся вопросом: «А куда это понесло на ночь глядя нашего библиотекаря?..»

Фонари остались за спиной, и шаг стал медленнее. Душа остро нуждалась в дополнительных минутах. Нет, она не требовала, она просила их...

Благодаря Ольге Тимофеевне я знала, что калитка со стороны леса у Семена Григорьевича всегда распахнута. Да, я не могла явиться к нему с центральной дороги. Если бы я пришла открыто, то наши тайные непонятные отношения к утру стали бы достоянием общественности. Нет, пусть Игнатьевка засыпает и не догадывается о том, что произойдет этим поздним вечером в доме Колдуна...

К сожалению, мои короткие резиновые сапоги не спасали от холода, и я слышала, как хлюпает грязь под ногами. Мокрые ветки цеплялись за куртку и распущенные волосы, и я пожалела, что оставила шапку в библиотеке. Натягивать шарф на голову не хотелось, сейчас он хотя бы неплохо грел шею.

Иногда я включала фонарик на мобильном телефоне, и поэтому издали увидела, что нужная калитка открыта.

«Надеюсь, Вулкан меня не сожрет», – мрачно пошутила я и зашагала быстрее, подгоняемая нарастающим беспокойством. Вперед меня уже несла сила, над которой я не имела власти, в ней переплетались прошлое и настоящее, страх и отчаяние, вопросы и ответы.

Около калитки росла молодая береза, и я коротко коснулась ее белеющего ствола, будто хотела попросить немного смелости. Нос, наверное, уже покраснел от холода, и я потеряла его ладонью.

Забор остался позади. Попав в свет окон, я направилась по дорожке к крыльцу, и почти сразу тишину разорвал грозный лай. Я не увидела, а интуитивно угадала, что на меня несется огромная собака, готовая до последнего вздоха защищать хозяина.

– Вулкан! – громоподобный окрик, и мои ноги вросли в землю.

Приблизительно такой же была реакция и Вулкана. Он появился в круге света и с рычанием замер, не сводя с меня прицела больших светящихся глаз. Бывают события, которые превращают эпизоды жизни в киноленту, и вот ты уже наблюдаешь, как включается замедленный кадр... Это сейчас и произошло. Но странно, я совсем не испугалась, будто на территории, принадлежащей главному колдуну Игнатьевки, ничего плохого со мной произойти не могло.

– Не бойся, он не тронет, – вновь раздался знакомый голос, и я развернулась. – А ты не рычи, все свои, – с нажимом сказал Семен Григорьевич Вулкану и подал знак рукой, означающий, наверное: «Успокойся, библиотечные создания никогда не причиняют вреда».

Послушавшись хозяина, овчарка смерила меня многозначительным взглядом, перестала злиться и, выдержав паузу гордости, направилась к двум раскидистым яблоням в глубине сада. Стало тише, будто кто-то приглушил звуки окружающей природы.

Я стояла и смотрела на Семена Григорьевича.

Вот и встретились два главных чужака Игнатьевки. Я чужак по рождению, он – по состоянию души.

– У вас была открыта калитка и... я зашла.

– Я редко закрываю ее. Вулкан любит гулять в лесу.

Семен Григорьевич сделал два шага ко мне и остановился, будто перед ним неожиданно выросла стеклянная стена, мешающая продолжить путь. Взгляд напряженный... немного исподлобья...

Резиновые сапоги, спортивные штаны и вязаный свитер темно серого цвета с небрежно закатанными рукавами...

«Ему не холодно, – неожиданно с удивлением отметила я. – Ему совсем не холодно».

Расстегнув молнию куртки, я достала томик Ахматовой и вынула из него письма. Категорически нельзя было нести их просто так. Конечно, они бы не рассыпались в моих руках, но я опасалась и случайной капли дождя, и непрошенного порыва ветра, способных навредить пожелтевшей бумаге. Так надежнее.

Лишние слова не требовались, в каждой книге есть только одна семнадцатая страница...

– Это письма вашего отца?

– Да, – без каких-либо раздумий произнес Семен Григорьевич.

– Почему... – я замолчала, не в силах задать вопрос.

Он нервно убрал назад волосы, давно требующие стрижки, пожал плечами и ответил, глядя в глаза:

– Лучше не напишешь. И это именно то, что я хотел сказать.

Стеклянная стена рухнула или растаяла. Кто ж знает, что случается с непреодолимыми преградами, когда звучат такие признания. По телу побежали теплые мурашки, и сначала я крепче сжала письма, а потом испугалась, что помну их, и расслабленно опустила руку.

Семен Григорьевич подошел ближе, и я даже разглядела заблудившуюся седину в его бороде.

«Интересно, борода колючая или нет?..»

– Замерзла? – тихо спросил он.

– Да, – кивнула я, не сомневаясь, что именно этот человек сможет меня согреть.

Яблоки

Врачи бывают разные. Этот был добр, чуток и внимателен. Он не торопился сказать правду, подготавливал, давал возможность хоть немного настроиться. Да, ее сын болен, и впереди долгий тяжелый путь длиною в... А, впрочем, никому неизвестно, как уж пойдет...

Она вышла на улицу, сжала кулаки и задалась обжигающим вопросом: «За что ему? Ребенку...» И посыпались воспоминания: первый зуб, смешные слова, костюм супергероя на Новый год, футбольный мяч в расцветке Чемпионата мира, плакат на стену с любимым голкипером, берег моря и «будем учиться плавать!», а вот он отбирает сумку и с твердостью сообщает: «Сумки в нашей семье буду носить я».

Приехав домой, она посадила детей напротив и сказала: так, мол, и так, будет трудно, но мы справимся, потому что мы – одна команда. Да? И он обещал слушаться врачей, быть сильным и, конечно, звонить при первой возможности. И когда она привезла его в больницу, он действительно был сильным, вел себя спокойно, по-мужски.

И началась совсем другая жизнь: полгода она пересекала город с огромными сумками туда и обратно. Чистое белье, грязное белье, учебники, продукты... Протопанная тропа, упрямая дорога. Болезнь перестала точить его изнутри, он наконец-то поправился на целых три килограмма. Она готова была бесконечно трогать его щеки.

Он возмужал. Жизнь вдали от дома сделала его серьезнее и старше, но он очень переживал, когда врач не отпустил домой всего на один день – на день ее рождения. Это был тот первый и последний раз, когда он заплакал в больнице. От злости, отчаяния и бессилия.

Его обещали выписать в начале лета, и они оба торопливо засобирались – считали уже дни и часы. Однако в назначенное время врач покачал головой и сказал: «Нет. Рано. Еще минимум три месяца». Чтобы стойко выдержать новый удар судьбы и не разрыдаться, он кусал губы, а она говорила: «Понимаешь, так лучше, так уж наверняка...» И опять тропа, опять дорога, надежда и вера.

Она уже не считала дни, не загадывала. Лучше не надо загадывать, пусть просто один день сменяет другой... Но как-то утром позвонил врач и сказал, что выписывает.

– Хотите, забирайте сегодня.

– Хочу!

И она понеслась в больницу, ничего не говоря сыну – сюрприз, сюрприз! И потом они громко смеялись, упаковывая накопившиеся вещи.

Как дотащить? Вызвать такси?

Но своя ноша не тянет. Они шли по улице бодро, ловя солнечные лучи, улыбаясь, строя планы. Теперь можно было их строить. Сколько хочешь! Десять месяцев разлуки – это много. За это время можно родиться заново.

Осенью его ожидало полное обследование, и в середине ноября она поехала за результатами.

– Все хорошо, – произнес врач.

А она в этот момент повернула голову к окну и увидела за стеклом ветки яблони, увешанные яркими желто-красными яблоками. Не мелкими зелеными, какие изредка встречаются в Москве, а большими, настоящими. И на каждом из них маленькой шапочкой лежал утренний снег. Надо же, год назад, тогда... не заметила. Надо же, не попадали от холодов... Яблоки желто-красные. И она впервые за долгое время заплакала, зарыдала, сотрясаясь всем телом.

– Ну, что вы... что вы... – затараторил врач, повидавший многое на своем веку, но всегда чувствующий неловкость перед чужими слезами.

– Яблоки... – еле слышно произнесла она, показала на окно и засмеялась. Вот теперь, сейчас, она была счастлива.

Тайный город счастья

Улыбаясь до ушей, Динка стремительно неслась вверх по лестнице – ветром, стрелой, ласточкой. Шапка съехала набок, пшеничные волосы торчали во все стороны, шарф соскользнул с плеча и настойчиво стучал помпоном по коленке, а еще старые сапоги цеплялись за дурацкий заковыристый край почти каждой ступеньки. Подумаешь! Ерунда!

«Я ей скажу... и всё... и она упадет... – пытаюсь выровнять дыхание, думала Динка. – И она упадет даже два раза! Да знаю я, знаю, что так не бывает, ну и что... – Голубые глаза весело блестели. – Матвей приехал... Вернулся! Вот же Лера обрадуется! Гадский лифт, ну почему он не работает...»

Оставался еще этаж, и Динка на ходу вытащила ключи из кармана куртки. Какая же прекрасная жизнь у ее старшей сестры! Взрослые вечно говорят: «Не надо торопиться, детство и юность – чудесное время». Но это не так. Самое интересное начинается гораздо позже, когда гуляешь допоздна, влюбляешься, провожаешь своего парня в армию, а потом встречаешь его.

«Лере девятнадцать лет, и она уже успела все переделать. А мне четырнадцать... Скука смертная!»

Динка не выглядела на свой возраст. На уроках физкультуры в длинной шеренге она всегда стояла последней. Грудь еще не приобрела желанные формы (собственно, никакие не приобрела), бедра категорически отказывались округляться. Олененок Бэмби. Так когда-то называл ее папа.

С тех пор прошли годы, но Динка этим олененком и осталась: маленькая, худенькая, большеглазая, искренняя и наивная. «Откуда ты взялась такая в нашей семье? – с долей удивления лет пять назад произнесла бабушка. – Видимо, отцовские гены оказались сильнее. Странно, если учесть, что твой папа человек мягкотелый». Бабушка потом уехала домой в Воронеж, а Динка впервые ощутила себя другой.

Влетев в коридор, она отправила на вешалку куртку и шарф, скинула сапоги и, сделав попытку успокоиться, торжественно зашла в большую комнату. Но сдерживать новость не было ни сил, ни желания.

– Матвей из армии вернулся! – почти сразу выпалила Динка и нетерпеливо добавила: – Я случайно на остановке его увидела. Лера, он тебе не говорил, чтоб сюрприз сделать!

И она замерла, с удовольствием впитывая ответную реакцию, а в голове вагончиками гремели слова Матвея: «О, привет, Динка! Рад тебя видеть. А я вот вернулся... И знаешь, вообще никого не предупредил, хотел свалиться как снег на голову. Но сейчас смотрю на твой шок и понимаю, что это я погорячился... – Матвей с улыбкой покачал головой, точно хотел осудить собственную беспечность, а потом весело добавил: – Сделай доброе дело, сбегай к Лере, предупреди ее, а то у меня мобильник разрядился. Ты уж там как-нибудь аккуратненько...» И Динка побежала. И сейчас, сцепив от волнения руки перед собой, она представляла, как через час или два придет Матвей, и как сразу станет тесно в их трехкомнатной квартире.

– Как вернулся?.. – произнесла Лера, подскочила с дивана и заметалась по комнате. – Где мой телефон? Черт! Да куда я его положила?! Мама!

– Господи... И что ты забегала как ненормальная... – отставляя утюг в сторону, недовольно ответила Маргарита Львовна. – Приехал, и ладно. Еще не факт, что работу найдет.

– У него профессия есть, и какая разница... – Лера махнула рукой, развернулась к зеркальной дверце шкафа и простонала с отчаянием: – Мама-а-а, на кого я похожа... Не нужно было зубрить этот дурацкий английский до трех ночи! Синяки под глазами и вообще...

– Что за чушь? Лучше тебя в нашем городе никого нет, – важно произнесла Маргарита Львовна и перевела взгляд на Динку. – Не стой столбом, помоги сестре! Набери ее номер, в

конце концов! Лера, а ты проявляй спокойствие, и когда Матвей придет, не вешайся ему на шею. Молодежь теперь такая нетерпеливая...

Года четыре назад на уроке музыки учительница подробно объясняла, что такое дисгармония. Она приводила примеры, задавала вопросы, включала презентацию, доставала из шкафа свирель и бубен... Динка внимательно слушала, впитывала и ей отчего-то казалось, что речь идет вовсе не о споре каких-либо музыкальных инструментов. Речь идет о ее семье.

Дис-гар-мо-ни-я...

Это когда ты настолько отличаешься от других членов семьи, что кажется, будто ты живешь на соседней планете. И тебе к ним не перебраться.

– Дина, что он сказал? Повтори слово в слово, что он сказал?! – потребовала Лера, наконец отыскав телефон.

– Он сказал, что у него мобильник разряжен, – запоздало сообщила Динка и мгновенно схлопотала пару ласковых с двух сторон.

Лера начала встречаться с Матвеем около двух лет назад. «До чего же красивая пара», – говорили буквально все. И это была правда. Она – стройная кареглазая брюнетка, он – высокий, плечистый, светловолосый. Когда они, держась за руки, шли по Цветочной улице, Динке казалось, будто перед глазами летят кадры киноленты, и с минуты на минуту из кустов выйдет режиссер и объявит: «Все! Снято! Давайте следующий дубль». Бывает же, что люди находят друг друга так удивительно правильно.

Однажды Лера пришла и тихо сообщила: «Он меня поцеловал... Представляешь? Только маме не говори, а то начнет лекции читать. Динка, это так здорово...» А Динка и не сомневалась, что здорово. Матвей, конечно, бывает слишком громкий, ироничный, несдержанный и даже резкий, но он точно добрый. Такое всегда чувствуется.

«Жаль, мама недолюбливает Матвея, но это потому, что он независимый», – думала Динка, опираясь на жизненный опыт.

А еще она знала, что если бы Матвей оказался слабохарактерным, то он бы тоже не попал в список любимчиков.

У Леры и Дины были разные отцы. «Сходила я два раза замуж, как порядочная женщина, а теперь проживу для себя, – раньше частенько говорила Маргарита Львовна и непременно добавляла: – Мне с мужьями не повезло, надеюсь, дочери поумнее и порасторопнее будут». Первый раз Динка услышала эти фразы лет в семь, сразу после развода родителей. И тогда она пришла к выводу, что мужей выдают на какой-то ярмарке, где нужно проявить смекалку и непременно поработать локтями, и уж тогда ты точно заполучишь хорошего мужчину.

Отец Леры, если верить бабушке, всегда был независимым, упрямым и *«зарплату целиком никогда не отдавал, а кто знает, на что он эти деньги тратит?»* Каждое лето он вез семью на турбазу, *«а мог бы найти денег на нормальный отдых на юге, где нет этой треклятой мошкары!»* И работа у него была *«бесперспективная абсолютно, всем же известно, что пожарники особую карьеру сделать не могут»*.

Динка видела отца Леры два раза, когда тот приезжал навестить дочь, а потом с кухни доносился недовольный голос матери: «Зачем он сюда таскается, сколько раз говорить, что у нас новая жизнь...» Это было давно. Тысячу лет назад. Динка тогда еще играла в куклы, и никто не воспринимал ее всерьез – подслушивай сколько хочешь. Вот таким нехитрым способом позже она узнала, что Лера сама позвонила отцу и сказала, что встречаться далее им не обязательно.

История второго замужества Маргариты Львовны была другой и такой же одновременно. «Ничего-то Николаю не нужно, абсолютно безынициативный. Если бы захотел, то давно бы уже стал финансовым директором! Мы, между прочим, изначально на это рассчитывали, – ворчала бабушка. – Я на сто процентов уверена, что на работе его добротой пользуются абсолютно все. Нет и не будет от Николая никакого толка». Динка хорошо помнила, как в такие моменты у

нее портилось настроение, и в груди будто струна натягивалась. Ее бросало то в жар, то в холод и хотелось ворваться на кухню, сжать кулаки и закричать.

Отец очень любил Динку, и после развода приезжал в гости почти каждое воскресенье. Он приносил конфеты и пряники, читал вслух книжки, помогал с математикой и привычно произносил: «Бэмби, скоро опять увидимся». Динка кивала, улыбалась и вздыхала. Она отмечала, что отец больше не надевает тапочки, а ходит в носках, и догадывалась, что так ему комфортнее, потому что шаги тихи и неслышны на кухне. Он стал еще больше сутулиться и предпочитал сидеть в дальнем углу комнаты на потертом временем стуле.

Через год отец приезжал уже лишь раз в месяц, а потом женился и перебрался в соседний город. «Нашел себе какую-то белобрысую продавщицу! – фыркала бабушка, выкладывая из сумки гостинцы. – Разве с твоей матерью сравнишь? И смотреть-то не на что!»

Динка знала, что где-то там у нее есть две маленькие сестры-близняшки, но никакого желания увидеть их не было. Не из ревности или злости, а просто уж так повелось, что она сама по себе. Как сыроежка на краю леса. Обыкновенная сыроежка, которую никто не замечает, потому что грибы обычно ищут дальше и глубже.

Теперь отец звонил редко: на Новый год, 8 марта, в день рождения и пару раз просто так. Динка не обманывала себя. Жизнь – вот такая штука, ничего не поделаешь, у папы новая семья... Да и не было уже душевной близости, она осталась позади, растерялась, растаяла. «Твой хоть алименты вовремя платит, – говорила мать, отправляя в борщ рубленый чеснок и зелень. – А от Леркиного отца деньги вечно через раз приходят». Выслушивая подобное недовольство, Динка вжимала голову в плечи и отчего-то чувствовала себя виноватой во всем. И эту вину невозможно было сформулировать или определить, она обманчиво напоминала легкое облако, медленно опускающееся на землю. Однако стоило ему коснуться плеч, как оно превращалось в серое ватное одеяло – мокрое и тяжелое.

Но тот, кто умеет находить радость в мелочах, никогда не потонет в печали. И Динка улыбалась, когда распахивала окно и смотрела на зеленый от сочной листвы двор, и мечтала, уносясь в сказочные дали. Туда, где принцессы живут в башнях, а принцы скачут на белых конях. И эти принцы всегда готовы прийти на помощь, даже если придется победить полчище огнедышащих драконов. А как иначе?

– Проходи, проходи... Как же ты возмужал... – с приторной улыбкой произнесла Маргарита Львовна, пропуская Матвея вперед. – А я на кухню, чай вам приготовлю. У нас и печенье есть. А ты торт принес? Молодец! Я очень люблю бисквитный с кремом. В юности я ела только такие. И чтоб обязательно сверху были розочки и сахарные цукаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.